

ИНСТИТУТ ПРАКТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИИ СЕМЬИ

ФЕНОМЕНЫ, МЕТОДЫ, КОНЦЕПЦИИ

Выпуск 5

**Санкт-Петербург
2011**

ББК 88
УДК 159.9

Институт Практической Психологии

Печатается по рекомендации кафедры психологии человека ППФ РГПУ им. А. И. Герцена

Научный редактор: **С. А. Векилова**, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии человека психолого-педагогического факультета РГПУ им. А. И. Герцена

Рецензенты: **Е. Ю. Коржова**, доктор психологических наук, профессор кафедры психологии человека психолого-педагогического факультета РГПУ им. А. И. Герцена
А. В. Микляева, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии человека психолого-педагогического факультета РГПУ им. А. И. Герцена

Корректурa, верстка: **М. С. Волохонская**, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии человека психолого-педагогического факультета РГПУ им. А. И. Герцена

Современные проблемы психологии семьи: феномены, методы, концепции. Вып. 5. – СПб.: Изд-во АНО «ИПП», 2011. – 86 с.

ISBN 978-5-902837-37-4

Научное издание

Печатается на средства авторов

ISBN 978-5-902837-37-4

© Изд-во АНО «ИПП», 2011

СОДЕРЖАНИЕ

Безгодова С. А., Бедрягина С. Д.

Влияние участия отца в совместных родах на его отношение к ребенку 5

Бобурова А. А.

Сказка и миф: различия и единство 12

Богдановская И. М., Робак В. В.

Образ семейных отношений как фактор успешной профессиональной деятельности руководителя 19

Ведешкина М. Л.

Супружеская измена и ее последствия 26

Векилова С. А.

Анализ содержания текстов семейных историй 30

Волохонская М. С.

Анализ романтического нарратива в фильме Х. Миядзаки “Ходячий замок” 37

Иванова И. С.

Отношения привязанности и их влияние на личностные особенности ребенка и взрослого 45

Луковкина А. Н.

Особенности детско-родительских отношений в семье с ребенком с отклонением в развитии 52

Микляева А. В.

Субъективный уровень дискриминированности по признаку возраста у представителей различных поколений семьи 58

Портнова А. В.

К проблеме дистантного брака в современных супружеских парах 65

Русалинова А. А.

Роль семьи в формировании социального самочувствия человека в современном мире 68

Селиванова М. В.

Изучение динамики представлений о семье проективными методами 75

Смирнова М. Н.

Особенности детской привязанности как фактор развития суицидального риска 79

Трегубенко И. А.

Память рода в структуре исторической памяти 85

ВЛИЯНИЕ УЧАСТИЯ ОТЦА В СОВМЕСТНЫХ РОДАХ НА ЕГО ОТНОШЕНИЕ К РЕБЕНКУ

Тематика взаимоотношений в семье является непреходяще актуальной. В последнее время интерес к ней возрастает, поскольку проблемы семьи в конце XIX – начале XX века в России находились на периферии общественного сознания. Социально-экономические и идеологические изменения привели к смене ценностных ориентаций многих россиян. Идеалы индивидуалистических культур сменили традиционные коллективистские взгляды, а соответственно, значение семьи и брака в жизни человека стало неуклонно падать, уступая место ценности профессиональных достижений, материального благополучия, творческой самореализации, психологического комфорта от межличностных и сексуальных отношений. Это привело к снижению числа зарегистрированных браков, увеличению количества разводов, краткосрочных фактических браков, свободных браков, бездетных браков, увеличению числа неполных семей, снижению рождаемости, практически к исчезновению семей, имеющих 3-х и более детей. В связи с тем, что в современной российской семье рождается в среднем 1 – 2 ребенка, рождение ребенка – значимое событие для семьи и родители очень внимательно подходят к воспитанию детей и отношению с ними с первых минут жизни. В европейских странах давно принято начинать взаимодействовать со своим ребенком с момента рождения не только матери, но и остальным членам семьи, в первую очередь, отцу. В обыденном сознании утвердилось мнение, что совместные роды благоприятно влияют на последующие отношения отца и ребенка, что такие отцы более близки к своим даже очень маленьким детям: заботятся о них и проводят с ними много времени.

Как и многое другое, что популярно за рубежом, в нашей стране в последнее время также стала широко рекламируемой и осуществляемой практика проведения совместных родов, но научных психологических исследований о том, как присутствие отца на родах влияет на его отношение к ребенку на российской выборке явно недостаточно. В этой связи нами была сделана попытка изучить, как связан факт присутствия отца на родах с его отношением к ребенку. Исследование проводилось в родильном доме №17 г. Санкт-Петербурга. В нем принимало участие 50 мужчин, в возрасте от 19 до 41 года, они составили контрольную (25 мужчин, которые на родах не присутствовали) и экспериментальную (25 мужчин, которые присутствовали на родах) выборки. Обе группы были выравнены по возрасту, а также по степени удовлетворенности браком, так как последний показатель мог существенно повлиять на результаты исследования. Таким образом, средний возраст испытуемых составил в контрольной группе 29,8 лет, в контрольной группе – 30 лет.

Удовлетворенность браком в обеих группах довольно высокая. Для всех испытуемых – это было рождение первого ребенка, решение присутствовать или не присутствовать на родах было добровольным. Исследование проводилось в два этапа до и после рождения ребенка с использованием идентичного диагностического инструментария: цветового теста отношений А.И. Лутошкина и метода свободных ассоциаций. Кроме того, на первом этапе испытуемым предлагалось заполнить авторскую анкету и методику исследования удовлетворенности браком (В.В. Столин, Т.Л. Романова, Г.П. Бутенко). Результаты исследования отношения отцов к ребенку по методике ЦТО представлены в таблице 1.

Таблица 1. Отношение к ребенку отцов контрольной и экспериментальной групп

цвет	Контрольная группа		Экспериментальная группа	
	до рождения ребенка	после рождения ребенка	до рождения ребенка	после рождения ребенка
<i>зеленый</i>	8%	16%	12%	12%
<i>серый</i>	44%	20%	24%	8%
<i>фиолетовый</i>	0%	16%	12%	16%
<i>синий</i>	16%	28%	16%	12%
<i>черный</i>	16%	12%	20%	12%
<i>красный</i>	12%	8%	12%	16%
<i>желтый</i>	4%	0%	4%	12%
<i>коричневый</i>	0%	0%	0%	12%

Из полученных данных видно, что для обеих групп до рождения ребенка преобладающим цветом, ассоциирующимся с будущим ребенком, является серый. Это можно интерпретировать как растерянность будущих отцов перед рождением ребенка, отстраненность и дистанцирование от ребенка, т.е. будущий сын или дочь для них представляется как что-то неопределенное и неясное. Также для обеих групп характерно преобладание синего и черного цветов при ассоциировании с будущим ребенком, что говорит об уверенности и обретении спокойствия при появлении на свет своего первенца одних отцов и отрицании и негативизме по отношению к ребенку других, а также о страхе перед предстоящим событием, на ход которого они бессильны повлиять. Также часто ребенок у отцов ассоциируется с красным цветом, что говорит об активной отцовской позиции, ярком эмоциональном отношении к своему ребенку.

При повторном исследовании, после рождения ребенка, результаты ЦТО в контрольной и экспериментальной группах различались. В контрольной группе в ассоциациях преобладали синий и серый цвет, т.е. большинство отцов испытывали чувство удовлетворения и спокойствия по

отношению к ребенку, скорее даже от того, что все закончилось благополучно, или пребывали в том же состоянии неопределенности и смятения, которое было у них до рождения ребенка. Преобладающих цветов в ассоциациях мужчин, присутствовавших на родах ребенка, выявлено не было, что может говорить, что у таких отцов появилось персонализированное отношение к своему ребенку. Это подтверждается тем, что серый цвет безучастности и отстраненности практически исчез из цветовых ассоциаций отцов, присутствовавших на родах. Таким образом, можно сделать вывод о том, мужчина, присутствующий на родах своего ребенка, сразу же включается в процесс воспитания ребенка и у него формируется психологическое отношение к своему ребенку. Следует сказать, что в первую очередь, это интерес, любопытство (ассоциирование ребенка с фиолетовым цветом) и эмоциональный подъем (ассоциирование ребенка с красным цветом).

Если говорить об интерпретации рангов цветов, то ребенок ассоциировался в контрольной группе до рождения с цветом, стоящим на 5 месте по предпочтению, после рождения ребенка на - 4. В экспериментальной до рождения ребенок ассоциировался в среднем с цветом, стоящем на 3 месте по предпочтению, после рождения – на 4. Вероятнее всего, это можно интерпретировать следующим образом: отцам, увидевшим своего ребенка через некоторое время после рождения, уже прошедшим гигиенические процедуры, он, понравился больше, чем они предполагали. Мужчины из экспериментальной группы, видевшие процесс рождения своего ребенка, еще находившиеся под впечатлением от присутствия на родах, перенесли некоторые неприятные ощущения от этого момента на ребенка.

Также нами были изучены вербальные ассоциации со словосочетанием «мой ребенок» в экспериментальной и контрольной группах.

Таблица 2. Ассоциации мужчин контрольной группы со словосочетанием «мой ребенок».

Понятие	до рождения ребенка	после рождения ребенка
Свет	52%	12%
Ответственность	40%	0%
семья	36%	4%
Крики	24%	0%
Гордость	36%	4%
Забота	20%	0%
Живот	24%	0%
Чудо	28%	16%
Мое	12%	32%
Долгожданный	12%	24%
Беззащитный	8%	20%
Желтое	0	24%
Живое	0	20%

Наиболее встречающимися ассоциациями у отцов, не присутствовавших на родах, до рождения ребенка были «свет», «чудо», «семья», «ответственность», «гордость», «забота», «крики». В ассоциациях присутствуют не столько представления о самом ребенке, сколько представления будущих отцов о своем отношении с ребенком. И в этих ассоциациях отражены социальные представления о том, как должен вести себя отец по отношению к ребенку. Из чего можно сделать вывод, что отцы формируют у себя установки родительского поведения, готовятся принять на себя роль отца. Образ ребенка в этих ассоциациях выглядит в этих ассоциациях формальным и стереотипным.

После рождения ребенка характер ассоциаций мужчин, не присутствовавших на родах, изменился. Во-первых, появился образ ребенка – моего, беззащитного, долгожданного, желтого. Во-вторых, исчезли понятия, обозначающие стереотипы родительского поведения, т.е. отсутствуют предполагаемые стратегии родительского поведения.

Для обобщения всех понятий в смысловые группы нами был использован кластерный анализ, в результате применения которого были получены несколько групп понятий.

Таблица 3. Результаты кластерного анализа ассоциаций на словосочетание «Мой ребенок» контрольной группы до рождения ребенка

Кластеры
Кластер 1. Ожидание рождения ребенка
1.1 Семья, ждущая появления ребенка
1.2. Установки на будущего ребенка
Кластер 2. Будущее после рождения ребенка
2.1. Заботы о ребенке
2.2. Радостное и беспокойное будущее после рождения ребенка

Ассоциации распределились на две большие группы – «Ожидание рождения ребенка» и «Будущее после рождения ребенка». Причем момент рождения ребенка для мужчин контрольной группы является торжественным, а жизнь после рождения радостной суетой, перемежающейся заботами о ребенке. Это, скорее, напоминает кинофильм или фотоальбом, где за кадром остаются переживания главного героя.

Таблица 4. Результаты кластерного анализа ассоциаций на словосочетание «Мой ребенок» контрольной группы после рождения ребенка

Кластеры
1. Восприятие ребенка сразу после рождения
2. Радостные заботы о ребенке
3. Семейное счастье

После рождения ребенка структура представлений о ребенке несколько изменилась – ребенок родился, впереди будут радостные заботы о нем, что составит, в итоге, семейное счастье.

Таким образом, в отношении отцов контрольной группы к своим детям доминируют социальные представления и традиционные установки, направленные на реализацию родительского поведения, принятого в культуре. К примеру, «Это мой ребенок, значит, я о нем должен заботиться, опекать, обеспечивать и отвечать за него». С другой стороны, факт рождения ребенка для мужчин данной группы делает семейную жизнь более полной и радостной. В экспериментальной группе ассоциации мужчин содержательно отличались от ассоциативного ряда контрольной группы.

Таблица 5. Ассоциации мужчин экспериментальной группы со словосочетанием «мой ребенок».

Понятие	До рождения ребенка	После рождения ребенка
Чудо	32 %	76%
Крики	0 %	12%
Жизнь	8 %	52%
Красота	8%	44%
Беззащитность	16%	40%
Ангел	8%	24%
Муки	0%	20%
Благодарность	0%	32%
Маленькое	0%	24%

У отцов, присутствовавших на родах, до рождения ребенка было довольно идеализированное представление о ребенке. После рождения ребенка у данной группы мужчин экзальтированность усилилась, что может говорить о состоянии эйфории после пережитого стресса. Сам момент появления на свет ребенка сакрализуется, а к ребенку складывается эмоционально позитивное отношение, так называемая отцовская нежность. Кроме того, в экспериментальной группе в отличие от контрольной появились ассоциации, связанные с самим процессом родов и отношением к супруге, поскольку именно она испытывает муки, рожая ребенка, вследствие чего к ней нужно относиться с благодарностью.

Также как и ассоциации мужчин контрольной группы, нами были обработаны ассоциации мужчин экспериментальной группы с помощью кластерного анализа.

Таблица 6. Результаты кластерного анализа ассоциаций на словосочетание «Мой ребенок» экспериментальной группы до рождения ребенка

кластеры
1. Будущее семьи после рождения ребенка
2. Ребенок как объект заботы и переживаний
3. Представление о моменте рождения

Исходя из результатов кластерного анализа, мужчины экспериментальной группы в своих ассоциациях в большей степени ориентированы на ближайшее будущее и в большей степени эмоциональны, что естественно, т.к. им предстояло присутствовать на родах. Тем не менее, их представления структурированы – будет момент рождения, семья с ребенком и будут мои собственные отношения с ребенком в системе семейных отношений. Таким образом, они еще до рождения ребенка прогнозировали для себя роль активного участника взаимодействия с ребенком.

Таблица 7. Результаты кластерного анализа ассоциаций на словосочетание «Мой ребенок» экспериментальной группы после рождения ребенка

Кластеры
1. Момент рождения
2. Эмоциональные переживания, связанные с ребенком
2.1. Заботы о маленьком ребенке
2.2. Переживание своей роли отца
2.3 Переживание единения семьи
2.4. Тревога за ребенка
2.5. Умиление

После рождения ребенка ассоциации мужчин контрольной группы разделились на два класса: первый описывает сам момент рождения, второй – эмоциональные переживания, связанные с ребенком. Из полученных результатов видно, что у отцов, присутствовавших на родах, сложился широкий диапазон переживаний по отношению к своему ребенку, усиленный эмоциональным стрессом присутствия при рождении ребенка.

Исходя из результатов проведенного исследования, мы действительно наблюдаем различия в отношении к своему ребенку у отцов, которые присутствовали на родах от тех мужчин, которые не присутствовали при рождении ребенка. У отцов, присутствовавших на родах, формируется эмоционально позитивное отношение к ребенку, что служит благоприятной основой для установления межличностных отношений в будущем. Также у этих отцов уже в первые минуты жизни

ребенка устанавливаются с ним собственные отношения, а не через мать-посредника. Хотя нельзя не сказать, что мужчины, которые присутствовали на родах, были подвержены большему стрессу, и это не могло не отразиться на определенных аспектах отношения к ребенку. Отцам, не присутствовавшим на родах, потребовалось больше времени для осознания своего отцовства – они дольше оставались в состоянии растерянности и безучастности к происходящему, реализуя на первых этапах своего родительства стереотипные паттерны отцовского поведения.

В заключение, хотелось бы отметить, что решение мужчины присутствовать на родах должно быть добровольным, поскольку принуждение к участию в совместных родах, может привести к неожиданным последствиям для семейных отношений.

Литература

1. Андреева Т.В. Семейная психология. Издательство: Речь, 2005
2. Борисенко Ю.В. Психология отцовства. — М., 2007
3. Виткин Д. Мужчина и стресс. СПб., 1996
4. Овчарова Р.В. Психологическое сопровождение родительства. - М.: Изд-во Института психотерапии, 2003

СКАЗКА И МИФ: РАЗЛИЧИЯ И ЕДИНСТВО

Научно доказан тот факт, что первые знания о законах и явлениях жизни человек получает из сказок, притч, легенд и мифов. Однако информация, заложенная в них, носит неконкретный характер. Иносказательная форма информирования побуждает слушателя к собственным размышлениям, формирует ряд вопросов, поиск ответа на которые стимулирует развитие личности. Символические сюжеты ныне используются в аналитической и терапевтической практике многих психологических течений. Однако доступность из использования требует большей и лучшей дифференциации сюжета и возможностей работы с ним.

Любой символический текст это множество смыслов, которые способны объединяться, открывая новые пути толкования. Традиционно в академической филологии и культурологии сказку противопоставляют мифу. Кроме того, филологи отмечают в сказке специфические поэтические клише, несвойственные мифу. В то же время в юнгианской аналитической психологии сказка и миф соединяются в обще-символическом, обще-сакральном, легендарном и архетипическом единстве.

При упрощенном толковании мифа и «сведении» его понимания до индивидуальной жизни каждого, до «модели поведения» (буквальной или метафорической) он действительно начинает напоминать сказку, с ее дидактической направленностью. Потому неудивительно, что в перспективном подходе миф и сказка часто смешиваются. Обозначим данные понятия и их свойства.

Сказка. Слово «сказка» впервые встречается в семнадцатом веке в качестве термина, обозначающего те виды устной прозы, для которых в первую очередь характерен поэтический вымысел. Сказки являлись своеобразным инструментом обучения и целительства, средством народной психотерапии задолго до того, как психотерапия получила официальный статус.

О влиянии сказки на развитие личности писали такие великие ученые, такие как Б. Беттельхейм, Р. Гарднер, К. Юнг, В. Пропп, М. Л. фон Франц, Э. Фромм.

В.Я. Пропп [6], анализируя сказки, делает вывод, что в сказке сделан акцент на сказуемые, а не подлежащие и дополнения. Вариации сказок также подсказывают, что в них важно то, что сделано, а не почему. В.Я. Пропп в поисках сказочных инвариантов создал понятие функции. Функция — это поступок действующего лица, определяемый с точки зрения его значимости для хода действия. Так фея, наряжающая Золушку на бал, мертвец, который дарит Ивану меч, — выполняют одну и ту же

функцию Дарителя. В.Я. Пропп сформулировал постулаты своей работы следующим образом:

1. Постоянными, устойчивыми элементами сказок служат функции действующих лиц, независимо от того, кем и как они выполняются. Они образуют основные составные части сказок.

2. Число функций, известных волшебной сказке, ограничено.

3. Последовательность функций всегда одинакова.

На основании анализа ста русских сказок В.Я. Пропп выделил 31 функцию действующих лиц. Не все функции присутствуют всегда, но число их ограничено и порядок, в котором они выступают по ходу развития сказки, неизменен.

Неизменным В.Я. Пропп определил и набор ролей, т.е. действующих лиц, обладающих своим кругом действий (т.е. имеющих одну или несколько функций). Этим ролям семь: царевна, отправитель, герой, ложный герой, антагонист, даритель, помощник [7].

По мнению М.Л. Фон-Франц, волшебные сказки являются непосредственным отображением психических процессов коллективного бессознательного, поэтому по своей ценности для научного исследования сказки превосходят любой другой материал. В сказках архетипы предстают в наиболее простой, чистой и краткой форме, благодаря этому архетипические образы дают нам ключ для осмысления процессов, происходящих в коллективной психике. Согласно концепции К. Г. Юнга, любая волшебная сказка является относительно закрытой системой, выражающей некое сущностное психологическое значение, содержащееся в ряде сменяющих друг друга символических картин и событий, посредством которых оно и может быть раскрыто [8].

Сказка включает в себя следующие составляющие: наличие проблемного состояния в начале и достижение счастливого конца, наличие помощников и вредителей, Герой, как правило, один, и он отличается от остальных персонажей [8].

Важной чертой сказки является то, что в ходе ее происходит трансформация Героя. Это можно назвать историей о повзрослении. Юнг К.Г. считал основным мотивом сказки процесс индивидуации. Это не вообще повзросление: а вполне конкретная его стадия, на которой уже оформившееся и отделившееся сознание возвращается к своей подсознательной основе, обновляя и углубляя взаимные внутренние связи, расширяясь, обретая доступ к новым архетипическим образам и энергиям [10]. Исторически в основе огромного количества волшебных сказок лежат обряды инициации, при которых ребенок “переводился” в статус взрослого члена племени. Все эти ритуалы, удивительно похожие у совершенно различных народов, проводились очень жестко. Символически ребенок погибал; тот, кто возрождался, часто имел другое имя, его не узнавали в племени, он обладал другими качествами. Процесс был однонаправлен и необратим [10].

Таким образом, сказка представляет собой мощное средство поиска выхода из сложившейся ситуации и личностной трансформации. Основные сказочные мотивы и сюжеты непременно связаны с важнейшими ритуалами жизненного цикла человека, которые лишь поверхностно видоизменившись, по сути своей остаются теми же, что и на заре человечества. Это позволяет сказке не терять привлекательность и актуальность и в наши дни. Такая преемственность позволяет сказке, вытекая из прошлого, находится в настоящем и перебрасывать мост в будущее.

Миф. Слово «миф» греческое и буквально означает предание, сказание.

Огромную популярность, повсеместное распространение, неподвластность времени и всеобщность мифа как психологического феномена пытались объяснить ведущие психологи Запада (З. Фрейд, О. Ранк, Г. Рохейм, В. Штекель, К. Юнг, Д. Кэмпбелл и др.) и России (А.Ф. Лосев). Все они были едины в том, что различные мифы выполняют различные функции для личности и общества, в биографиях богов можно выделить определенные стратегии и сценарии поведения, которые характерны не просто сказочным, мифологическим героям, а конкретным людям, живущим в настоящее время.

Миф занимает значительное место в трудах австрийского психолога и философа Юнга К.Г. Именно через это понятие Юнг объяснял связь между обществом и личностью, индивидуальным и коллективным, и определял миф как психическое явление, которое отображает глубинную сущность человеческой природы: «Миф — это то, что происходит с нами». [10] В своих трудах Юнг пришел к выводу, что миф является инструментом постижения абсолютной истины, и понимать его необходимо как определенную систему, моделирующую в сознании индивидов окружающий мир и способы взаимодействия с ним [10].

Мелетинский Е.М. в монографии «Поэтика мифа» [3] сделал обзор наиболее выдающихся концепций природы и способов анализа мифологического мышления. Выделим некоторые из них. В структуралистических теориях (Р. Барт, К. Леви-Строс) мифу отводится роль примитивного способа переработки информации, системы коллективных представлений об окружающей действительности, сложившейся на ранних этапах развития человечества. Иной, не жестко дифференцирующий подход, сводит к мифу и религию, и духовные учения, и науку, и индивидуальную «картину мира». Общее в том, что все эти формы направлены на создание модели, образца для подражания и воспроизведения. Это является основной функцией мифов. Но в отличие от героев сказок, преданий, литературных произведений и т.д. мифические герои и мифическое время источают магические духовные силы, которые поддерживают установленный порядок в природе и обществе, что осуществляют чаще всего с помощью ритуалов. Ритуалы обеспечивают

непрерывность природных и жизненных циклов, сохранение некогда установленного порядка.

Попытки различных школ сравнительной мифологии унифицировать мифологические идеи, свести их к определенному единообразию были обречены.

Российский философ, знаток античности Лосев А.Ф. дал очень точное определение мифу: «Миф есть наивысшая по своей конкретности, максимально интенсивная и в наибольшей степени напряженная реальность. Это не выдумка, но — яркая и на самом деле оригинальная действительность» [2].

Различия сказки и мифа. Считается, что источником архетипических мотивов и сюжетных схем всех повествований являются древние мифы. Поэтому сюжетные схемы мифов представляют интерес и для понимания смысловой связи действий в реальности. Семантика мифа многослойна, любое событие и противопоставление в нем имеет параллельные значения на космологическом, природном, экономическом, социальном и других уровнях [9]. Современные виды повествования, с этой точки зрения, менее богаты. Но если оставить в стороне целостную семантическую структуру и обратить внимание только на универсальную сюжетную схему мифа, она окажется довольно простой: герой что-то совершает (что-то добывает, творит космос из хаоса, восстанавливает нарушенный порядок) и проходит инициацию. Мелетинский Е.М. пишет об этом, когда сравнивает схемы мифа и волшебной сказки: «Первобытный миф представляет собой серию "потерь" и "приобретений", связываемых деяниями мифических героев, а классическая волшебная сказка дает сложную ступенчатую иерархическую структуру, основу которой составляет противопоставление предварительного испытания основному. <...> Структура первобытного мифа (и сказки), в которой все деяния (испытания) героя равноправны, где нет противопоставления средства и цели, может рассматриваться как некая метаструктура по отношению к классической волшебной сказке. В классической волшебной сказке на развалинах мифологического "космоса" твердо очерчивается "микрокосм" в виде сказочной семьи как арены конфликтов социального характера» [3].

Можно сказать так: варианты действий героев и того, как эти действия могут быть взаимосвязаны, заложенные в семантике мифа, в сказке проговариваются и дифференцируются. Кроме того, в сказке на передний план выступает социальный аспект действий героя. Если исходить из того, что миф и сказка могут быть источником описания исходных схем поведения современных героев, то сказка дает более богатый материал.

М-Л. Фон Франц считает, что «В сказках архетипы предстают в наиболее простой, чистой и краткой форме, благодаря этому архетипические образы дают нам ключ для осмысления процессов,

происходящих в коллективной психике. В мифах, легендах или другом более развернутом мифологическом материале мы приходим к пониманию базисных структурных образований (паттернов) человеческой психики, постигая их сквозь культурные наслоения. Таких специфических культурных наслоений в волшебных сказках значительно меньше, и поэтому они с большей ясностью отражают базисные паттерны психики.» [8].

Бондаренко С.В. [5] предлагает несколько оснований для различения сказки и мифа.

1. Истинность. Миф предлагает актуальную веру в истинность происходящего. Истинность сказки не принципиальна. Отсюда важнейшее отличие сказки от мифа – ее игровая метафоричность.

2. Историчность и вариативность сюжета. Миф мало вариативен в своем сюжете. Сюжет расширяется только для раскрытия характера и судьбы героя, которая всегда исторична. Сказка допускает как редукцию сюжета, так и его расширение.

3. Актуальность или уникальность сюжета. Миф описывает уникальные события, которые были один раз с конкретными персонажами. Все остальное всегда будет лишь слабым подобием. В мифе важен характер и герой. Сказка предлагает метафорическое описание того, что может случиться с каждым. В сказке имена условны.

4. Социальная/индивидуальная обусловленность поступков. В мифе поведение героя обусловлено его характером и некоторыми обстоятельствами. В сказке поведение персонажа в наибольшей степени обусловлено социальной моделью, верной или неверной, что всякий раз дидактически раскрывается для аудитории.

5. Время и рок (судьба). Миф как уникальное событие уже существует во времени, в прошлом или настоящем (так называемом мифологическом времени), и оно неизменно. Сказка случается в момент повествования. Она способна разворачиваться постепенно и неожиданно (отсюда такой жанр как «докучные сказки», которые могут повторяться бесконечно).

6. Функциональные цели. Для мифа функцией является описание мира и тех, кто в нем имеет смысл. Сказка всегда рассказывает немного про читающего/слушающего и тех, кто рядом с ним. Она — про мир внутренний.

7. Завершение повествования. Миф заканчивается произвольно. Сюжет может быть продолжен в другом мифе про этого же, или иного героя. Для сказки характерен или счастливый («я там был, мед пиво пил...»), или иной, но логически обоснованный конец повествования.

Таким образом, между сказкой и мифом есть определенные различия, однако, они могут дополнять друг друга.

В архаическом фольклоре различие между мифом и сказкой установить трудно. Происхождение сказок из мифа у большинства исследователей не вызывает сомнения. Так, Ян де Фрис доказывает, что

между сценариями мифов, саг и волшебных сказок существует преемственность [9]. Пожалуй, можно сказать, что сказка повторяет, на другом уровне и другими средствами, сценарий мифа.

Сказки обнаруживают отчётливую сюжетную связь с первобытными мифами, ритуалами, племенными обычаями.

Важной предпосылкой превращения мифов в сказки был разрыв непосредственной связи этих мифов с ритуальной жизнью племени [2]. Отмена специфических ограничений на рассказывание мифа, допущение в число слушателей непосвящённых (женщин и детей) влекли за собой невольную установку рассказчика на вымысел, акцентирование развлекательного момента и неизбежно - ослабление веры в достоверность повествования. Из мифов изымается особо священная часть. Первоначально строгая достоверность уступает место нестрогой достоверности, что способствует более сознательному и свободному вымыслу.

Мелетицкий Е.М. полагает, что «испытания героя в волшебной сказке сопоставимы с испытаниями, характерными для посвятительных (инициационных), либо брачных (более поздних) ритуалов в архаическом обществе и соответствующих мифах. Поскольку через инициации и другие переходные ритуалы (например, из одного возрастного класса в другой) проходит каждый индивид, то сказка, с её интересом к судьбе личности, широко использует мифологические мотивы, сопряжённые с ритуалами посвятительного типа. ...так, ряд важнейших символов, мотивов, сюжетов и отчасти общая структура волшебной сказки связаны с посвятительными ритуалами»[3]. Таким образом, можно говорить о том, что сказка акцентирует тот аспект мифа, в котором действующее лицо совершает действия инициации, а также, отличается большим демократизмом повествования и большим вниманием к индивидуальной судьбе.

Элиаде М. анализируя степень влияния сказки на психику современного человека, пишет, что «...сказка продолжает “инициацию” на уровне воображаемого. Она воспринимается как развлечение только в демифологизированном сознании и, в частности, в сознании современного человека. В глубинной же психике сценарий инициации не теряет серьезности и продолжает передавать соответствующие заповеди и вызывать изменения. Не отдавая себе в этом отчета, считая, что он развлекается и отвлекается от реальности, современный человек все еще продолжает пользоваться воображаемой инициацией, содержащейся в сказках.»[9].

Таким образом, и сказка, и миф метафоричны, отражают ритуалы и представляют богатый материал для анализа, материал сказок является предпочтительным для анализа психологом, поскольку в нем существует большая свобода вымысла, она ориентирована на действия героя, в ней более отчетливо представлен «социальный» контекст существования героя, что позволяет анализировать индивидуальные сценарии жизни в проективной форме сказочного сюжета.

Литература

1. Берн Э. Люди, которые играют в игры. - М., 2006
2. Лосев А.Ф. Миф - развёрнутое магическое имя. // Лосев А.Ф. Миф. Число. Сущность. М. 1994
3. Мелетицкий Е.М. Поэтика мифа – СПб., 2004
4. Миллс Дж., Кроули Р. Терапевтические метафоры для детей и внутреннего ребенка. - М., 1999
5. Петрова Е. П. Сказка как нарратив. - М., 2005
6. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. - Л., 1986
7. Пропп В.Я. Морфология сказки. - Л., 1969
8. Франц фон М.-Л. Психология сказки. - СПб., 1998
9. Элиаде М. Аспекты Мифа. – Л., 1980
10. Юнг К.Г. Архетип и символ. - М., 1991

ОБРАЗ СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ КАК ФАКТОР УСПЕШНОЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РУКОВОДИТЕЛЯ

Для того чтобы дети могли полностью развить и проявить свои способности, чтобы стали успешными и целеустремленными, - они должны расти в отзывчивом социальном окружении.
Г. Крайг

Проблема деловых и личностных качеств, составляющих психологический портрет успешных российских руководителей, мотивация их деятельности исследуются российскими и зарубежными социологами и психологами в контексте рассмотрения важнейших личностных предпосылок успешного руководства [Самоукина Н.В., 2009; Кричевский Р.Л., 1998; Алавердов А.Л., 2008; Швальбе Х., 1993; Вудкок М., 1991 и др.]. Изучаются менталитет, смыслы и ценности предпринимательства [Чирикова А.Е., 2009, 2010]; страх успеха [Турецкая Г.В., 1998, 2008] и даже склонность к благотворительности богатых людей [Нечаев В.А., 2004 и др.]. Исследователи уделяют внимание удовлетворенности управленческой деятельностью [Позняков В.П., Филинкова Е.Б., 2009] и факторам деловой активности [Журавлев А.Л., Дорофеев Е.Д., 1996, 1998, 2001 и др.]

Проблема семейного воспитания также все больше привлекает к себе внимание ученых и практиков нашей страны. Вопросы семейного воспитания рассматриваются педагогами, социологами, психологами и психотерапевтами. При этом затрагиваются различные сферы детско-родительских отношений: особенности воспитания ребенка и отношение к нему родителей, особенности личности родителей, характер супружеских взаимоотношений, характерные особенности личности ребенка и его отношение к родителям и тд. В зарубежной психологии довольно большое число исследований посвящено влиянию семьи на последующее карьерное поведение. Здесь изучалось и воздействие семейной культуры, влияние семейных ценностей, связь с составом семьи и семейной атмосферой [5]. Однако, небольшое внимание было уделено субъективным критериям успешности, при том, что проведенные исследования показали, что источник проблем, связанных с неудовлетворенностью профессиональной карьерой зачастую кроется в его взаимоотношениях с близкими взрослыми. Тем не менее, подчеркивается, что это всего лишь предположение, которое нуждается в дополнительном изучении [3, с.59]. Если говорить об отечественной психологии, то проблема влияния на успешность управленческой деятельности такого фактора как образ семейных отношений рассматривалась также не вполне достаточно. С учетом сказанного, целью нашего исследования являлось изучение образа

семейных отношений и его влияния на успешность профессиональной деятельности руководителей. Для этого, к исследованию были привлечены руководители различных уровней, которые осуществляют процесс организации и координации людей в процессе производства, обмена, распределения и потребления, материальных благ.

Деление руководителей по степени успешности, в данной работе, производилось на основании внешнего критерия Д. Мак-Клеланда, который выделил три уровня карьеры руководителей: 1. Низшее звено управления (технический уровень). Это уровень управленцев, находящихся непосредственно над рабочими и исполнителями, отвечают за ресурсы, сырье, оборудование. 2. Среднее звено управления (управленческий уровень). Представители этого звена вносят существенный вклад в решение проблем организации, но характер их работы более определяется характером работы руководимого им подразделения, чем организации в целом. Они являются своеобразным буфером между низшими и высшими звеньями управления. 3. Высшее звено управления (институциональный уровень). Представители высшего звена отвечают за принятие важнейших решений, определяют цели и основные принципы деятельности организации [4, с.198].

С учетом приведенных критериев, изучаемая выборка была образована руководителями различных уровней, проживающими и работающими на момент обследования в Санкт-Петербурге. В группу руководителей высшего звена вошло 9 человек, средний возраст – 37 лет, средний стаж трудовой деятельности – 9,6 лет, половой состав- 30% женщин и 70% мужчин. Руководители среднего звена: 10 человек, средний возраст – 32 года, средний стаж трудовой деятельности – 3,9 лет, половой состав - 70% женщин и 30% мужчин. Руководители младшего звена - 10 человек, средний возраст – 33 года, средний стаж трудовой деятельности – 4,4 лет, половой состав - 60% женщин и 40% мужчин. Психодиагностический комплекс включал: опросник «Исследование карьерных ориентаций» Э.Шейна; ассоциативный эксперимент; опросник ценностных ориентаций Шварца; методику анализа ранних детских воспоминаний по А.Адлеру; методику неоконченных предложений Сакса и Леви, опросник Шафера «Поведение родителей и отношение подростков к ним» (ADOR). Для обработки данных эмпирического исследования использовались методы математической статистики: контент-анализ, анализ достоверности различий, корреляционный анализ.

Изучение информации о семейных взаимоотношениях внутри родительской семьи по самооценке участников исследования показал следующие результаты. Родительская семья *руководителей высшего звена* характеризовалась согласованностью воспитательной позиции отца и матери, в которой наиболее выражены были позитивный интерес и автономность. У *руководителей среднего и младшего звена* родители придерживались традиционного стиля воспитания – при позитивном интересе к ребенку обоих

родителей отец воспринимался как директивный, мать – эмоционально принимающая.

Были выявлены достоверно значимые различия в преобладающих родительских ценностях. Способ исследования предполагал трехкратное заполнение испытуемыми ценностного опросника Шварца: сначала от своего лица, затем от лица отца и матери. Полученные данные говорят о следующем. *Руководители высшего звена* в большей степени ориентированы на ценности отца, который является проводником витальных и духовных ценностей, имеющих индивидуальный характер: действенное стремление к успеху и материальному благополучию, готовность полагаться на собственные силы и способности; ценностная идентификация с матерью касается интеллектуальных и альтруистических качеств личности, чувства достоинства и уверенности в себе. *Руководители среднего звена* также испытывают большее влияние отца, который способствует формированию социального интереса и нравственного облика, направляет на служение людям, указывает на ценность широкой эрудиции и целеустремленности; мать способствует формированию морально-нравственных ценностей, влияет на развитие коммуникативных навыков и готовность к совместной деятельности. *Руководители младшего звена* отвергают отцовские ценности и в большей степени ориентированы на ценности матери, которая способствовала приобщению к системе социальных связей, формированию знаний о людях, обществе и о себе, однако в данной системе ценностей не представлены ценности карьеры. При этом, личные ценностные ориентации *руководителей высшего звена* направлены на индивидуальный успех, ценности действия и достижений (успешность, власть); *руководителям среднего звена* свойственен конфликт индивидуальных и социальных ценностей (независимый, успешный и работающий на благо других), *руководителям младшего звена* – конфликт витальных и духовных ценностей (удовольствие и склонность к познанию).

По результатам ассоциативного эксперимента, была выявлена специфика личностных смыслов понятия «успех» у руководителей различных уровней. Так, для *руководителей высшего звена* это – возможность добиваться успеха своими силами, не полагаясь на внешние обстоятельства, признание и уважение со стороны окружающих, власть и деньги важны как показатель успеха, который означает скорее труд и терпение, а не удачу и везение. *Управленцы среднего звена* признаком успеха считают везение, склонны полагаться на внешние обстоятельства, в большей степени предпочитают делегировать свои полномочия подчиненным и контролировать исполнение, чем напрямую включаться в деятельность; успех оценивается ими не только как положительный фактор, но и как источник трудностей в сфере взаимоотношений. *Руководители младшего звена* связывают успех с интеллектуальной деятельностью и уверенностью в себе; считают нужным включаться в систему деловых связей и оценивают себя как успешных в управленческой деятельности.

По результатам корреляционного анализа было установлено, что существует взаимосвязь особенностей внутрисемейных отношений и карьерных ориентаций руководителей. При этом, согласованность воспитательных позиций в семье *руководителей высшего звена* способствует

формированию ориентации на управление; сочетание автономности и директивности в семье *руководителей среднего звена* ослабляет личностную активность и вырабатывает мотивы служения; рассогласование стилей семейного воспитания связано с отсутствием выраженной карьерной ориентации в группе *руководителей младшего звена*.

В завершение исследования нами был проведен контент-анализ ранних детских воспоминаний руководителей всех обследованных групп.

В ходе анализа были выделены следующие смысловые категории рассказов: мотивы, отраженные в ранних детских воспоминаниях - власть, желание власти, страх власти, достижения, достижение успеха, избегание неудачи, аффилиация, надежда на поддержку; ценности, отраженные в ранних детских воспоминаниях – этические и практические. В дальнейшем нами определялась процентная выраженность каждого мотива и ценности в тексте по отношению к общему количеству слов в тексте (рис. 1).

Рисунок 1. Процентный состав контент-аналитических категорий в текстах рассказов-воспоминаний

После этого, нами был проведен корреляционный анализ выявленных мотивов и ценностей со следующими характеристиками системы отношений испытуемых по методике неоконченных предложений:

- «отношение к себе»,
- «отношение к подчиненным»,
- «отношение к вышестоящим лицам и сотрудникам».

На основании корреляционного анализа данных (рис. 2) нам удалось выявить корреляционные взаимосвязи мотивов, отраженных в ранних детских воспоминаниях, и системы отношений руководителей.

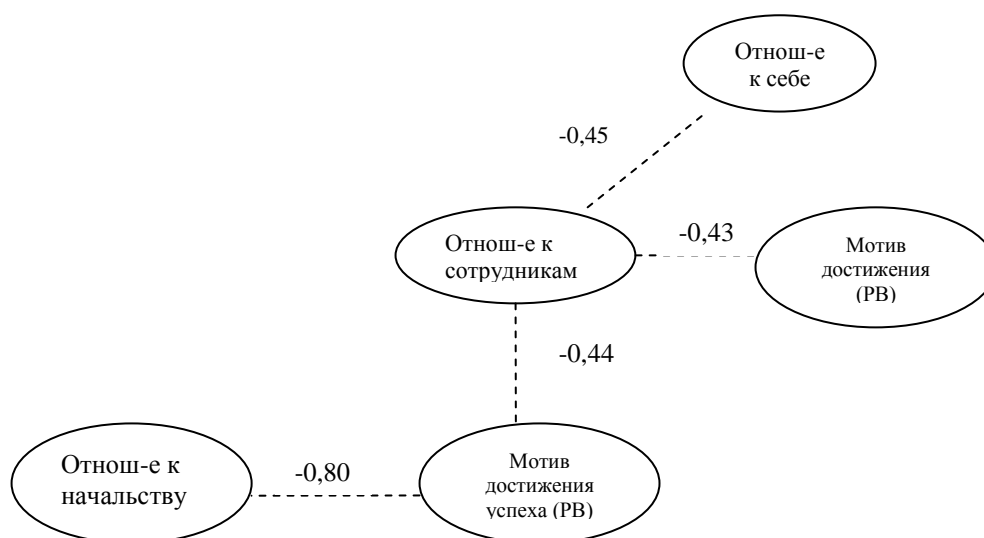

Рисунок 2. Корреляционные взаимосвязи мотивов и системы отношений руководителей ($p < 0,001$)

Полученные данные свидетельствуют о том, что фрустрация потребностей в успехе и достижениях в целом в период детства, во взрослом возрасте компенсируются через позитивное отношение к сотрудникам, и наоборот, чем выше руководитель оценивает себя и свои достижения, тем жестче он относится к сотрудникам. Полученные результаты, на наш взгляд, в полной мере отражают феномен компенсации, описанный А. Адлером: «Чувство неудовлетворенности собой и своими возможностями, берущее начало в детстве, обозначает начало длительной борьбы за достижение успеха, а также стремление к совершенству и безупречности» [1, с. 207, 2, 7]. По мнению А. Адлера, стремление к превосходству является основной мотивационной силой в жизни человека. Исследования Х. Хекхаузена, направленные на изучение мотивации достижения, показали, что «в раннем детстве более сильная и ориентированная на успех мотивация достижения складывается, когда успех поощряется похвалой и расположением родителей» [6, с.111]. Таким образом, мотив достижения успеха, как и другие мотивы, отраженные в ранних детских воспоминаниях, является структурным компонентом образа семейных отношений. Следовательно, мы можем предположить, что опыт достижения успеха, приобретенный руководителями в раннем детстве и являющийся содержательным компонентом образа семейных отношений, оказывает влияние на систему отношений руководителя к своим сотрудникам, при осуществлении межличностного взаимодействия в профессиональной деятельности.

Полученные данные свидетельствуют о том, что согласованность воспитательных позиций в семье руководителей высшего звена способствует формированию их ориентации на управление. Руководители данной группы в большей степени ориентированы на ценности отца, который является проводником витальных и духовных ценностей,

ценностная идентификация с матерью касается интеллектуальных и альтруистических качеств личности, чувства достоинства и уверенности в себе. Руководители высшего звена ориентированы, прежде всего, на личный, индивидуальный успех, более склонны рассчитывать на собственные силы, не полагаясь на внешние обстоятельства. Ценности действия и достижений выражены у них в большей степени по сравнению с интеллектуальными; им свойственно противопоставление духовных и витальных ценностей. Ведущими карьерными ориентациями руководителей высшего звена являются «предпринимательство» и «интеграция стилей жизни». Профессиональная компетентность не играет роли при выборе типа карьеры.

Сочетание автономности и директивности в семье руководителей среднего звена ослабляет их личностную активность и вырабатывает мотивы служения. Руководители среднего звена также испытывают большее влияние отца, который способствует формированию социального интереса и нравственного облика, направляет на служение людям, указывает на ценность широкой эрудиции и целеустремленности; мать способствует формированию морально-нравственных ценностей, влияет на развитие коммуникативных навыков и готовность к совместной деятельности. Ценности руководителей среднего звена, отражают конфликт индивидуальных и социальных ценностей – стремление к успеху с одной стороны, ориентацию на межличностное взаимодействие, благополучие других людей с другой. Ведущей карьерной ориентацией руководителей среднего звена является «стабильность работы», ее дополняют ориентации на «служение» и «интеграцию стилей жизни».

Руководители младшего звена отвергают отцовские ценности и в большей степени ориентированы на ценности матери, которая способствовала приобщению к системе социальных связей, формированию знаний о людях, обществе и о себе, однако в данной системе ценностей не представлены ценности карьеры. Ценностные ориентации руководителей данной группы отражают ближайшую перспективу развития, предпочтение инструментальных ценностей; в их структуре выделяются факторы, отражающие менталитет начинающего управленца, для которого важны субъективно переживаемые взаимосвязи между людьми, собственный статус для окружающих, конфликт витальных и духовных ценностей. Руководители младшего звена связывают успех с интеллектуальной деятельностью и уверенностью в себе; считают нужным включаться в систему деловых связей и оценивают себя как успешных в управленческой деятельности. Рассогласование стилей семейного воспитания связано с менее выраженными по сравнению с двумя другими группами карьерными ориентациями в группе руководителей младшего звена.

Литература

1. А.Адлер. Практика и теория индивидуальной психологии. М.: 2002. – 224 с.
2. Крайг Г. Психология развития.- СПб.: Питер, 2002. – 992 с.
3. Ксенчук Е.В, Киянова М.К. Технология успеха. – М.: Дело ЛТД, 2003. - 192 с.
4. Практическая психология: Учебник / Под ред. М.К. Тутушкиной - 2-е изд., переработка, дополнение. - С-Пб.: Изд-во «Дидактика Плюс», 1998. -336 с
5. Тихомандрицкая О.А., Рикель А.М. Социально-психологические факторы успешности карьеры/ Психологические исследования. 2010, №2.- ISSN 2075-7999 • Psihologiĉeskie issledovaniâ • Psihol. issled. Научный электронный журнал • scientific e-journal
6. Хекхаузен Х. Психология мотивации достижения.- СПб.: Речь, 2001, с. 111. - 240 с.
7. Хьелл Л., Зиглер Д. Теория личности.- СПб.: Питер, 1998 – 606 с.

СУПРУЖЕСКАЯ ИЗМЕНА И ЕЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Супружеские измены – один из неприятных атрибутов семейной жизни. Они были, есть и будут – этот треугольник стар, как мир! Но при всем этом, понятие супружеской измены возникло лишь на определенном этапе человеческого развития при возникновении моногамной семьи.

Внебрачные контакты и связи, традиционно обозначаемые как «измена», по-другому называются адюльтером, что в переводе с французского (*adultere*)- нарушение супружеской верности, супружеская измена, прелюбодеяние. В словаре русского языка С.И. Ожегова неверным называется такой человек, «которому нельзя верить, нарушивший свои обязательства перед кем–нибудь», а измена трактуется как нарушение верности кому–либо или чему–нибудь». В настоящее время, под этим термином, понимают вступление лица, состоящего в браке, в половую связь с лицами из других брачных пар или с одинокими мужчинами и женщинами.

Измена это такой вариант нарушения супружеской жизни существенно отличается от других видов семейной деструкции: конфликтов, ссор, асоциального поведения, кризисов, разводов и т. п.

По мнению Т. М. Заславской и В. А. Гришиной, существуют мотивы для вступления во внебрачные связи, к ним относятся:

Новая любовь. Эта причина характерна для браков, где любовь незначительна или вовсе отсутствует (рассудочные, рациональные или вынужденные браки, основанные на выгоде, страхе одиночества).

Возмездие — стремление отомстить за супружескую неверность.

Поруганная любовь — отсутствие взаимности, безответность чувства. Поиск любви в другом партнерстве, где возможна взаимность. Иногда сам изменяющий не любит нового партнера, но откликается на его чувство.

Поиск нового любовного переживания, как правило, характерен для супружеств со значительным стажем, либо это может быть в семьях с такой моралью, когда от жизни стремятся получить все возможное.

Восполнение — с помощью супружеской неверности пытаются восполнить недостаток любовных отношений — из-за длительной разлуки, болезни супруга и иных ограничений на полноту любви в браке.

Тотальный распад семьи: измена — фактический результат создания новой семьи, когда первая воспринимается как нежизнеспособная.

Случайная связь — когда измена не характеризуется регулярностью и глубиной переживания (опьянение, настойчивость партнера, «удобный случай»).

Социологическое исследование О.Лосевой [7], проведенное в 1990 году показало, что так же существует различия в мотивах для совершения измен у мужчин и женщин. Мужчины чаще всего объясняют измену

половой потребностью. Большей частью эта потребность, не связываемая с какими-то эмоциональными или духовными сторонами общения, удовлетворяется со случайными, малознакомыми партнершами (такие связи составили около 1/3 всех внебрачных контактов) либо в кратковременных, «мимолетных» связях с давними знакомыми, сослуживицами, женами друзей и т. д. (1/4 всех связей). Отъезд жены в командировку или отпуск для опрошенных мужчин становится поводом для поиска временной замены. На третьем месте, по результатам любовь к другой женщине. На это обстоятельство указал один из десяти мужчин, имеющих внебрачные отношения. Таким образом, для мужчин роль любви как мотива внебрачных связей невелика. Каждым десятым из мужчин, вступающих во внебрачные связи, движет любопытство. В ряде случаев мужчины вступают во внебрачные связи во время ссор с женой, сгоряча, из желания отомстить и самоутвердиться. Некоторые из ответивших стали, по их словам, «жертвой» настойчивости женщин. Самую же большую группу (более 1/3) составили те, кто не ответил на вопрос, то есть не смог или не захотел проанализировать, что побудило их к внебрачным связям. В данном исследовании ответы женщин достаточно сильно отличались от ответов мужчин. На первый план здесь выступило то, что для мужчин было сугубо второстепенным, — неудовлетворенность в браке. Значимость этого мотива для женщин подтверждается и другими данными: среди имевших внебрачные связи женщин только 1/3 удовлетворены браком, и 2/3 неудовлетворенных. Но самое интересное – это реакция и переживание ситуации измены партнера. Известие об измене брачного партнера часто приводит к серьезному стрессу. В этой связи вспоминается знаменитый опыт известного грузинского психолога Дмитрия Узнадзе. Он брал пару обезьян, отделял самца решеткой, а к самке помещал другого самца. И когда самка уступала домоганиям нового любовника, ее «законный» самец наблюдал за их соитием через решетку. Спустя сутки у него случился инфаркт. Когда же самка изменяла не за решеткой, а за непроницаемой стеной (то есть самец не видел самого факта измены), на здоровье самца эксперимент никак не отражался. Не думаю, что в этих вопросах мы сильно отличаемся от обезьян.

Волкова А.Н., Трапезникова Т.М. [3] полагает, что переживание измены партнера можно объединить в единый синдром психических реакций, основа которых - ревность, возникающая как реакция на угрозу распада партнерства в ситуации соперничества. Реакции ревности можно классифицировать по нескольким основаниям:

- по критерию нормы - реакции нормальные и патологические,
- по содержательному критерию - аффективные, когнитивные, поведенческие,
- по типу переживания - активные и пассивные,
- по интенсивности - умеренные и глубокие, тяжелые.

Нормальные, непатологические реакции ревности отличаются:

адекватностью ситуации, понятны многим людям, подотчетны субъекту, нередко он может их контролировать. Патологическая ревность имеет противоположные характеристики. Когнитивные реакции выражаются в стремлении анализировать предысторию, факт и причины измены, искать виновного, выстраивать прогноз ситуации. Аффективные реакции выражаются в эмоциональном переживании измены. Наиболее характерные эмоции - отчаяние, страх, гнев, ненависть и презрение к себе и партнеру, чувство неполноценности, любовь и надежда. Поведенческие реакции выступают в виде борьбы или отказа. Борьба выражается в попытках восстановить отношения (объяснения), удержать партнера (просьбы, уговоры, угрозы, давление, шантаж), устранить соперника, затруднить встречи с ним, привлечь внимание к себе (вызывание жалости, сочувствия, иногда кокетство). При отказе восстановить отношения связь с партнером обрывается или приобретает характер дистантной, официальной.

А.Липпиус [6], используя инструменты транзактного анализа Э.Берна выделяет следующие варианты способов реагирования обманутой женщины, описывая их с позиций транзактного анализа в виде следующих "жизненных сценариев":

1. "Все кончено - теперь я останусь одна". Под ней автор понимает явно "пораженческую" позицию, характеризующуюся преобладанием депрессивно - крашенных идей собственной малоценности и самоуничужения.

2. "Я его никому не отдам". "Агрессивно-оборонительная позиция", предполагающая активные действия по восстановлению существовавшего положения, с привлечением близких и родственников.

3. "Он был не хуже других". "Оправдательная позиция", не предполагающая каких-либо активных действий, с приписыванием себе вины за происшедшее.

По мнению Хмарук И.Н., социально-психологическими факторами, оказывающими влияние на выбор способа реагирования в ситуации измены супруга, являются:

1. Социально-демографические характеристики обоих супругов (пол, возраст, образование, профессиональный и социальный статус);

2. Основные характеристики брака (мотивация и возраст заключения брака, стаж брака, наличие и возраст детей);

3. Особенности существующей брачно-семейной ситуации (характер распределения семейных ролей, тип супружества, субъективная оценка качества брака, субъективная оценка удовлетворенности браком);

4. Основные характеристики сексуального взаимодействия супругов (половая конституция супругов, динамика условно-физиологического ритма, степень удовлетворенности супружескими сексуальными отношениями);

5. Основные характеристики супружеской измены (тип и длительность существования внебрачной связи, наличие прецедентов ранее, сохранение или прекращение внебрачной связи);

6. Особенности восприятия и интерпретации измены обманутым партнером (источники, объем и способ получения информации о неверности супруга, предположительная мотивация измены, амплитуда изменения отношения к супругу, оценка перспектив брака с ним);

7. Социальные представления о внебрачных отношениях, имеющиеся у обманутого партнера (отношение к внебрачным связям, наличие и мотивация собственного внебрачного опыта, наличие внебрачных отношений в родительской семье);

8. Характеристики "постадюльтерного взаимодействия" (сохранение либо прекращение сексуального общения супругов, наличие и характер конфликтного взаимодействия, наличие и характер мотивации к продолжению брака, мотивация обращения за психологической помощью).

На основании выше изложенного можно сделать следующие выводы: Переживание измены партнера, как правило, объединяются в единый синдром психических реакций, основа которых - ревность, возникающая как реакция на угрозу распада партнерства в ситуации соперничества. Сама же супружеская неверность может встретиться в семьях с благополучными и устойчивыми отношениями, но чаще - в конфликтных проблемных семьях, а также в семьях с критическими, практически разрушенными отношениями супругов. И, наконец, внебрачная связь затрагивает чувство чести и личного достоинства предаваемого супруга, что делает измену не только межличностным, но и индивидуально-личностным феноменом.

Литература

1. Андреева Т. В. Семейная психология: Учеб. пособие. — СПб.: Речь, 2004. - 244 с
2. Велента Т. Ф. Психология семейных кризисов./ Т. Ф. Велента, Т. А. Зинкевич-Куземкина Н. И. Олифинович. - СПб.: Речь, 2006. — 360 с.
3. Волкова А.Н., Трапезникова Т.М. Методические приемы диагностики супружеских отношений//Вопросы психологии. – 1985. - № 5, с. 110-116.
4. Голод С. И. Личная жизнь: любовь, отношения полов. Л., 1990.
5. Ильин Е. П. Дифференциальная психофизиология мужчины и женщины. - СПб.: Питер, 2002. – 544 с.
6. Липпиус А. Игры для взрослых. Психология партнерских отношений через транзактный анализ Берна. Изд-во КПС+, 2001, 680 с.
7. Лосева О. Секс?.. Не только, но... //Узы брака, узы свободы: Проблема семьи и одиночества глазами ученых. М., 1990.
8. <http://beauty-women.ru/psychology/971-ponyatie-i-vidy-supruzheskix-izmen-vnebrachnye.html>

АНАЛИЗ СОДЕРЖАНИЯ ТЕКСТОВ СЕМЕЙНЫХ ИСТОРИЙ

Наиболее характерной чертой постнеклассического периода развития психологии является смещения фокуса внимания с «имманентных», «внутренне присущих», дедуктивно предполагаемых психических феноменов на текст, как феномен, в существовании которого вряд ли можно усомниться. Текст – материализованная субстанция, через которую психическое актуализируется в наиболее естественной форме. Обращение к тексту как надежному пристанищу психолога звучит все более явно в работах рубежа 20-21 веков [1, 3, 6].

В данной статье семейная история анализируется как особый тип текста, в котором коллективный субъект – семья, через своего носителя – повествующего субъекта, реализует свое восприятие истории своего семейного сообщества. Вопрос об индивидуальных особенностях авторов и диагностике личности по тексту пока не рассматривается. Предпринята попытка выделить в текстах семейных историй определенные классы категорий, представленные разными лексическими единицами. Категория объединяет в единый класс существительные, местоимения, глаголы и другие части речи, образуя своеобразное функционально-семантическое поле [7]. Объединяющим началом категории является, следовательно, единое смысловое содержание. Классы категорий созданы на основе индуктивного анализа (категоризации) слов, с помощью которых описывается семейная история. В статье использованы 36 текстов-историй 5-7-ми поколенных семей, объединенных в единый текст. Единый текст включает краткие описания судеб 3054 человек. Общий объем единого текста составил 33843 единиц, из них 1773 - цифры (даты, числительные и цифры, указывающие возраст) и 32070 - слова. С помощью программы «vaal» [5, 8] слова единого текста были нормализованы и из них выделены лексические единицы текста – всего 6418 лексем, большая часть которых и была проанализирована.

Извлеченные из текста категории содержания рассматриваются как основные параметры, с помощью которых история семьи рефлексирована ее членами как процесс реализации своих потенций в области создания человеческих отношений, репродукции, социального развития. В таблице представлены результаты анализа содержания, сгруппированные в 18 наиболее наполненных содержанием категорий, которые вбирают в себя 77,43% слов единого текста. Порядок категорий в таблице определяется логикой разворачивания процесса человеческого бытия, которое начинается с появления во времени и пространстве жизни, а затем переходит на сферы межличностного взаимодействия и социального бытия. Социальная сфера рассматривается как область встречи потенциальных возможностей членов семейного рода (ресурса) с условиями, которые предлагает социальная система. Эта

последовательность: время, место, семейный статус, деятельность, здоровье и завершение бытия – наиболее общая формула изложения большинства индивидуальных историй, которые «суммированы» в единый текст. Несмотря на формализованность многих описаний – семейных историй, была сделана попытка выйти на более глубокий уровень понимания текста с помощью некоторых идей герменевтического подхода. Он был применен к анализу некоторых аспектов категорий времени, движения, обладания, власти.

Таблица. Словарный и лексический состав содержания текстов семейных историй

№	Название категории	Объем категории В словах	Объем в лексемах	Лексическое разнообразие	Объем категории в числительных	Общий объем категории	Процент от общего текста (от 33843 единиц)
1	Время: слова и даты	1724	99	0,06	319	2043	6,04%
2	Возраст (названия возрастов)	353	34	0,10	-	353	1,04%
3	Пространство: топонимы	2400	316	0,13	-	2400	7,09%
4	Передвижения в пространстве	757	98	0,13	91	848	2,51%
5	Постоянство в пространстве (дом)	136	28	0,21	-	136	0,40%
6	Бытие (быть/жить)	1280	41	0,03	151	1431	4,23%
7	Препятствия бытию (болезни)	681	153	0,22	-	681	2,01%
8	Окончание бытия (терминальность)	610	49	0,08	138	748	2,21%
9	Именованье: антропонимы	5609	856	0,15	-	5609	16,57%
10	Семейные роли и отношения	2884	128	0,04	299	3183	9,40%
11	Репродукция	1531	51	0,03	741	2272	6,71%
12	Учеба	1374	131	0,09	68	1442	4,26%
13	Профессия	973	224	0,23	-	973	2,87%
14	Работа	1731	336	0,19	48	1779	5,26%
15	Дискурс обладания (поссесивность)	734	84	0,11	-	734	2,17%
16	Рекреация	203	74	0,36	-	203	0,61%
17	Дискурс войны	865	161	0,19	-	865	2,55%
18	Дискурс власти	505	152	0,30	-	505	1,51%

Категория времени является одной из значимых для описания семейной истории. Время можно представить в двух формах – объективное, физическое время и его единицы (годы, месяцы, дни), и субъективное время – темпоральность, которая определяется внутренней готовностью /неготовностью к определенным событиям и действиям, субъективным переживанием времени, которое «идет слишком быстро» или «слишком медленно», временем, когда нечто «завершается раньше, чем ожидалось» или, наоборот, «позже». Анализ слов, наполняющих

категорию времени позволяет, в первую очередь, говорить о квантовании времени, или субъективно выбираемых единицах его измерения. В нашем случае время квантуется следующим образом: годами (983), месяцами (12), днями (27), таким образом, время в семейной истории измеряется преимущественно годами. Частоты упоминания времен года, позволяет говорить о том, что жизнь семьи разворачивается в основном летом (118), в другие времена года (осень- 24; зима - 36; весна - 19) она практически застывает, и удивительным образом, обнаруживает сезонную активность, характерную для биологических сообществ. Прошое (64), настоящее (51) и будущее (5) оказываются распределены также, как в индивидуальной биографии [2], будущее представляется слишком неопределенным и заглядывать в него сложно.

Субъективное время (темпоральность) представлено следующим образом. Чаще всего в текстах семейных историй используются слова, которые указывают на то, что события разворачиваются слишком быстро, рано или в момент неготовности к ним (86); вторая по наполненности категория субъективного времени - это, время, которое тяготит, тянется, не кончается (63), что ассоциируется с переживанием скуки и маяты жизни. Две категории темпоральности, о которых идет речь вместе укладываются в архетипический образ героя русских народных сказок, который начинает свое героическое действие с состояния маяты, апатии или лени. Далее следует категория быстрого времени, когда что-то происходит слишком быстро, стремительно (34). Время начала, готовности к чему-либо (14) и время окончания и подведения итогов (22) распределены по частотам примерно равнозначно. Из возрастов человеческой жизни наиболее часто говорится о старших (93) и младших (75) детях, о юности (45), взрослости (20) и старости (41) говорится достаточно редко.

Для обозначения пространственной характеристики бытия используется значительное количество слов единого текста (7,09%), это слова обозначающие места рождения, расселения и миграции членов семейного рода по территории России и других стран. В эту категорию входят преимущественно названия городов и деревень, где рождаются люди и куда они отправляются для учебы или в поисках работы. Условно она названа категорией «пространство», поскольку описывает социальную географию семьи. В нашем случае, в нее входят 38 названий стран, 112 названий городов 92 названия деревень. Жизнь горожан концентрируется преимущественно вокруг Ленинграда (167), Санкт-Петербурга (87), Москвы (78), Ульяновска (40), Твери (33), Петрозаводска (33). Особого внимания заслуживает категория «передвижения в пространстве», куда входят глаголы, описывающие различные формы движения. Наибольшее количество глаголов использовано для описания центростремительного движения, движения «от...» (308), ненаправленного движения (202), прерванного движения (60), центростремительного движения (35), отсутствия движения (32). Глаголы возвратного характера, описывающие действия возвращения/повторения встречаются 35. Таким образом, семья

преимущественно осуществляет движение ухода, отъезда, бегства, либо движение как таковое, без определенного направления и наличия стимулирующего внешнего воздействия. Категория постоянства в пространстве – оседлости, выражена относительно небольшим количеством слов, которые составляют всего 0,4% всего объема слов.

Препятствия бытию (болезни) и терминальность – также обязательные темы семейной истории. Болезни, ранения, травматизация – тема представленная достаточно высоким уровнем лексического разнообразия (0,22), разнообразие перечисленных болезней сопоставимо с лексическим разнообразием художественного текста (0,36). Напротив, тема смерти, хотя по частотам упоминания близка к теме нездоровья, лексически представлена достаточно скупо (0,04). Распределение словарного состава по причинам смерти (если они описываются в тексте) показывает, что словарь «естественной» смерти составляет 404 слов; 156 слов описывают смерть в результате гибели, в частности, в войнах; 12 слов описывают смерть как результат несчастного случая; 15 слов, смерть как результат карающих действий власти («казнен», «расстрелян»); 19 слов, смерть - как результат аутодеструктивного поведения.

Наибольшее количество слов в тексте (16, 57%) составили антропонимы – имена (3585), отчества (481) и фамилии (1477) членов семейного рода, которые превышают общую численность людей, чьи судьбы описаны в семейных историях (3054 человека), так как каждый человек именовался не единожды, представляясь заново в разных семейных ролях. В нашем словаре имен описаны 441 единицы, в среднем каждое имя использовалось 7 раз, однако именами чемпионами в нашей выборке оказались среди мужских имен: Александр (132), Иван (105) и Владимир (82), а среди женских имен: Александра (129), Мария (78), Ольга (75). В целом, феномен именования оказался наиболее значимым в семейной памяти, чему есть несколько объяснений. Имя легализует человека в социуме, оно индивидуализирует человека, делая его особым в семейной системе; благодаря имени сохраняется индивидуальная история жизни, которая, являясь определенным типом жизненного сценария, сохраняется как компактный и емкий вид семейного опыта (мы говорим например: «как у дяди Вани...»). Если опыт оценивается сообществом позитивно, то другие потомки данного древа также получают это имя. Проблема выбора имени для ребенка и трансляция через имя семейных посланий важная тема семейной психотерапии.

Категория «Семейные роли и отношения» по наполненности словами (9,4%) занимает 2-е место в едином семейном тексте. Логично, что в семейных историях больше всего говорится о членах семьи и их действиях. Наиболее часто упоминаются супружеские роли: жена (314) и муж (283); детские роли: сын (266) и дочь (246); родительские: мать (149) и отец (135); сиблинговые роли – сестра (59) и брат (46) и прародительские роли - бабушка (50) и дедушка (17). По сумме ролевых позиций частоты упоминания женщин (823) превосходят частоты упоминания мужчин

(753), таким образом, семейные истории создаются преимущественно действиями женщин и мужчин в ролях жен и мужей.

Из всех семейных ролей роль жены озвучена наиболее ярко. Однако репродукции также уделяется достаточно внимания (6,71%), особенно часто респонденты указывают количество рожденных в семье детей, поэтому числительные занимают большое место в общем объеме единиц текста категории «репродукция». В целом можно говорить о том, что, если в генеалогическом древе описана женская судьба, то в 55% случаев она будет описана через семейные роли, относительно мужчин, этот процент также достаточно велик и составляет 47%. Находясь в описанных ролевых позициях, члены семьи «рождаются» (421), «выходят замуж» (241), «женятся» (203), «любят» (33) и бывают «любимыми» (8) и «милыми» (4), «разводятся» (89), «расстаются» (14), «рождают» (169) «ребенка» (387) или «детей» (287) и «воспитывают» (43) или «растят» (14) их.

Следующие шесть категорий анализа скорее представляют описание условий, которые предлагает социум для реализации семьей своих возможностей. Учеба, профессиональная принадлежность и работа являются важнейшими темами семенной истории и в сумме составляют 12,39% от словаря единого текста. В теме учеба наибольшее внимание уделяется не школьному обучению, а обучению в вузах и в этом разделе словаря наибольший удельный вес составляют глаголы, описывающие не сам процесс учебы – приобретения знаний, а глаголы описывающие окончание процесса учебы, «закончить» (169), «окончить» (100) становятся главными глагольными формами. Очевидно, что образование открывает социальные перспективы карьеры и рассматривается как ступень, которую необходимо пройти. В связи с этим можно говорить о том, что современная политика снижения уровня значимости высшего образования приведет к нарушению традиционных целей - вкладов семьи в социальное развитие своих членов, и будет восприниматься болезненно. Словарь профессий, использованных в едином тексте составляет 224 единицы и включает широкий перечень от «белошвейки», «натурщицы» и «пастуха» до «океанолога», «авиатора», «ювелира». Через профессиональные роли (объем словаря 973) описана практически треть нашей выборки, к наиболее частотным профессиям относятся: «инженер» (66) и «военный» (56). В категорию работа включены слова описывающие рабочие действия, результаты труда, места работы, и объем этих наименований составляет внушительную цифру 1731 слово. Типичный представитель нашей выборки - «homo faber» - «человек работающий» и работа - это основная мишень его жизненных вкладов. Наполненность категории отдыха, хобби и развлечений составляет всего 203 слова – 0,61% объема единого текста, что в 20 раз меньше объема категории «работа».

Особую группу слов, связанную с трудовой деятельностью, составили слова связанные с обладанием, деньгами и действиями по их приобретению, эта категория получила название посессивность [7] (possessive - обладание) и отражает позицию человека в континууме

«приобретений-потерь». В целом словарь терминов «обладания» составляет 734 слова, всего 2,17% от объема единого словаря, однако слова категории обладания нередко являются целевыми в предложении. Многие усилия прилагаются для конечной цели – обладания, поэтому ей и было уделено определенное внимание. Словарь категории был разбит на два основных класса: слова описывающие действия приобретения и сами приобретения и слова, описывающие потери. Получилось следующее соотношение объемов словарей: 616/90 слов, что свидетельствует о преобладании категории «иметь» над категорией «отдать, потерять».

Военный дискурс, как элемент семейных текстов, невозможно не заметить. Военная тематика является важной частью идеологии нашего общества, что, естественно, нашло отражение в семейной истории. Россия прошла через три войны за столетний период, так что тема войны, хотя и немногословно, присутствует в каждом из 36 семейных текстов, которыми мы располагаем. При этом в текстах утрачивается противостояние «белых» и «красных», в пределах одной истории представители 1-2 го и третьего поколений могли участвовать в военных действиях «по разные стороны баррикад», а семейный текст объединяет их судьбы в единую историю. Словарь войны составляет 865 слов, из которых слово «война» упоминается 166 раз, «блокада» - 49, «голод» - 23, «эвакуация» - 21, «служить» - 60, «воевать, биться» - 28. В целом война в текстах семейных историй представлена скорее глазами мирных жертв войны.

Особую категорию составляют слова описывающие взаимоотношения семейного сообщества с властными структурами. Общий объем словаря дискурса власти составил 505 слов, а коэффициент лексического разнообразия (0,30) приближается к значениям художественного текста, можно говорить о широком разнообразии словаря, и, следовательно, взаимоотношений, которые стоят за словами. Слова, описывающие отношения с властью были сгруппированы в три класса: слова, описывающие аппарат власти (например: министерство, дума, законодательное собрание и т.д.); нейтральные слова, принадлежащие дискурсу власти (например: советский, социалистический, демонстрация) и слова описывающие репрессивную власть (например: ГУЛАГ, донос, раскулачить, репрессия). Соотношение объемов слов в трех классах составляет 127/152/191. Данные показывают, что власть на протяжении обозначенного периода семейной истории выступала скорее как репрессивный, чем жизнеобеспечивающий орган. Косвенным показателем гражданского напряжения служат, также частоты упоминания слова эмиграция – 28.

В завершении данной работы можно представить семейное родовое сообщество как сложный организм, который живет жизнью многих поколений своих членов. Жизнь этого организма, естественно зависит от среды, в которую он попадает, и итоговым показателем его жизнеспособности будет имманентно присущий этому сообществу показатель «энергии жизни». Полученные результаты говорят о том, что

«энергия роста» семей, истории которых анализируются, превосходит энергию регресса. Показатели рождений, вступлений в брак, учебной и карьерной мотивации превосходят показатели «упадка». Частоты слов «родить» (169), «родится» (421), «быть» (544), «жить» (338) превосходят частоты слов «болеть» (73), «умереть» (309), «уехать» (78), «уйти» (33), «потерять» (90), однако этот баланс представляется достаточно зыбким. Если обратиться к понятию текста и вспомнить о его смысловой силе, то принятая в герменевтике точка зрения гласит, что человек воспринимает реальность с помощью языка, и созданные им тексты, хотя и являются субъективным отражением реальности, обладают смыслопорождающей силой [4]. История семьи, изложенная в тексте, становится смысловой концепцией жизни и направляет поступки человека. Хотелось бы, чтобы эта история имела более оптимистические версии.

Литература

1. Брудный А.А. Психологическая герменевтика. Учеб. пособие. – М.: «Лабиринт», 1998. – 336 с.
2. Бурлачук Л.Ф., Коржова Е.Ю. Психология жизненных ситуаций. Учеб. пособие. – М.: Российское педагогическое агентство, 1998. – 263 с.
3. Гусельцева М.С. Понятие прогресса и модели развития психологической науки./Прогресс в психологии: Критерии и признаки. М.: Изд-во «Ин-т психологии РАН», 2009, 336, с. 13-31.
4. Йоргенсен М.В., Филипс Л.Дж. Дискурс-анализ. Теория и метод./Харьков: Изд-во Гуманитарный центр, 2004. – 366 с.
5. Психолингвистическая экспертная система ВААЛ (R). Руководство пользователя. М.: 2002. – 55 с.
6. Руднев В. Прочь от реальности: Исследование по философии текста. П. – М.: «Аграф», 2000. – 432 с.
7. Теория функциональной грамматики: Введение, аспектуальность, временная локализованность, таксис. М.: Комкнига, 2006. – 352 с.
8. Шалак В.И. Контент-анализ. Приложения в области политологии, психологии, социологии, культурологии, экономики, рекламы/Росс.акад.наук; М.:Омега-Л, 2004. – 272 с.

АНАЛИЗ РОМАНТИЧЕСКОГО НАРРАТИВА В ФИЛЬМЕ Х. МИЯДЗАКИ “ХОДЯЧИЙ ЗАМОК”

Слово “нарратив” имеет множество более или менее удачных определений и дословно переводится как “повествование” [1]. Нарративом можно назвать любую историю, которая в той или иной форме рассказывается или рассказана другому человеку или людям. Нарративы содержатся в том материале, который мы привыкли воспринимать как истории (то есть в романах, повестях, сказках, фильмах и сериалах); скрытые нарративы и их элементы можно обнаружить в самых неожиданных местах (например, в предметах домашнего обихода). Нарративы и их отдельные элементы могут становиться системообразующими или второстепенными компонентами картины мира, определять ценности, эмоциональные переживания, жизненный выбор человека. Историю жизни каждого из нас можно увидеть как один или несколько нарративов [2].

Задача этой статьи заключается в том, чтобы поделиться с читателем опытом небольшого нарративного анализа одной романтической истории, то есть истории развития отношений между двумя людьми, одним из вероятных исходов которой является то, что эти двое станут парой. История эта представлена в одном из самых известных полнометражных аниме Х. Миядзаки “Ходячий замок” (в буквальном переводе “Движущийся замок Хаула”), и в этом её преимущество по сравнению с множеством других, менее известных историй, которые не являются произведениями искусства и в силу этого не имеют возможности так сильно влиять на представления множества людей. Романтическая линия “Ходячего замка” достаточно сложна и замысловата, чтобы быть интересным объектом анализа, и в то же время достаточно проста и естественна, чтобы находить в ней сюжетные повороты и послания, важные для реальных, не выдуманных людей.

Поскольку в данном случае автору было интересно искать и описывать максимально универсальные, широко применимые элементы романтического нарратива, “Ходячий замок” был избран в качестве такого материала, которому не была бы свойственна гегемония определённой культуры. Рассчитывать на полное отсутствие какого бы то ни было культурного контекста, разумеется, было бы нелепо, поэтому автор сделал ставку на исследование мультикультурального нарратива в надежде, что сочетание нескольких культур позволит увидеть относительно независимые от культуры элементы нарратива. “Ходячий замок”, будучи произведением японского режиссёра, создан по мотивам одноимённого сказочного романа английской писательницы Дианы Уинн Джонс. Таким образом, фильм сочетает в себе как минимум три культурных контекста: английский (европейский) - благодаря роману-основе, японский

(азиатский) - благодаря работе режиссёра, российский - благодаря работе переводчика. Для того чтобы дать приблизительное представление об основных героях и фабуле “Ходячего замка”, приведём цитату из Википедии [3].

“...Действие фильма происходит в параллельном мире, напоминающем Европу XIX-го века, где магия идёт рука об руку с техническим прогрессом. Скромная жизнь рано осиротевшей шляпницы Софи полностью изменилась, когда в окрестностях её города появился ходячий замок таинственного волшебника Хаула, известного своими „похищениями“ девичьих сердец. Спасённая этим голубоглазым красавцем от приставаний двух солдафонов, она полюбила его с первого взгляда, однако волнующая прогулка с ним стоила юной шляпнице её красоты и молодости, отнятых чарами ревливой ведьмы из Пустоши. Не проходит и дня, как девушка оказывается жертвой проклятия злой ведьмы и превращается в дряхлую старуху. Шокирующее превращение из восемнадцатилетней девушки в старуху заставило Софи покинуть родной дом и отправиться на поиски заколдовавшей её Ведьмы, чтобы та вернула ей нормальный вид. Дорога ведёт её неизвестно куда, но по дороге ей попадается огородное пугало — Пугало-Репка, которое приводит её в странное сооружение, принадлежащее недавнему знакомцу Софи, который оказался настоящим волшебником, правда, довольно трусливым и непредсказуемым. Но „бабушка“ Софи осталась жить с хозяином и другими обитателями этого гигантского сооружения на курьих ножках, обретя в них семью, хоть и немного разношёрстную: в Замке живут хозяин замка — Хаул, ученик Хаула — Маркл, а также огненный демон — Кальцифер. Софи, по понятным причинам, желает снять заклятье ведьмы. Но со временем выясняется, что заклятья лежат и на Хауле, и на Кальцифере, и на Пугале-Репке. И эти заклятья связаны друг с другом, как кусочки мозаики...”

Одна из основных сюжетных линий фильма связана с развитием романтических отношений между двумя главными героями: Софи и Хаулом. В этой статье мы рассмотрим только основную романтическую линию, не затрагивая побочных, которые также присутствуют в фильме.

Несколько слов от автора об основных персонажах:

Софи - шляпница, скромная, застенчивая и серьёзная девушка, избегает отношений с мужчинами, погружена в выполнение дочернего долга: шляпная лавка нравилась её почившему отцу. Мать Софи, хорошенькая и легкомысленная женщина, живёт своей, совершенно независимой от дочери жизнью. Софи рациональный и волевой, но в то же время добрый и отзывчивый человек, всегда готовый прийти другому на помощь.

Хаул - ветреный молодой волшебник, известный покоритель женских сердец, необычайно одарённый маг. В юности Хаул заключил сделку с демоном, который даёт ему силу, но при каждом использовании этой силы Хаул всё больше превращается во что-то нечеловеческое, в

монстра. В тот период, когда зарождается и развивается история его отношений с Софи, идёт война, и сила требуется Хаулу в основном для того, чтобы нанести как можно больший ущерб военной авиации, которая бомбит дома мирных граждан. Против вражеских боевых машин он всегда выходит в одиночку и разрушает столько, сколько может. Помощи в этом деле Хаул не ищет, хотя каждое новое сражение изматывает его и всё больше превращает в демона.

Далее при описании анализа краткий пересказ эпизодов истории будет даваться в квадратных скобках, интерпретации - без скобок, отдельные места интерпретаций, которые представляются автору важными, будут выделяться курсивом.

Глава первая, где Хаул и Софи встречаются и вместе переживают опасную ситуацию. Случайное свидание.

[Софи отправляется на прогулку по городу, и к ней пристают два солдата. В этот момент сзади незаметно подходит Хаул и говорит “Прости, задержался”, делая вид, что Софи его старая знакомая, и он её сопровождает. Его цель, как представляется зрителю, бескорыстна и заключается в том, чтобы выручить девушку из беды].

Итак, первая особенность романтического дискурса, которую мы обнаруживаем в фильме, состоит в том, что *в основе отношений взаимной симпатии, которые затем могут перерасти во что-то большее, лежит бескорыстие*. С солдатами, которые имеют вполне определённые намерения, у Софи никаких отношений не возникает.

[Практически сразу же после встречи и счастливого избавления от излишне заинтересованных солдат выясняется, что за Хаулом следят. “Продолжай идти, как будто ничего не случилось. За мной следят” - поясняет Хаул. “Прости, втянул я тебя” - говорит он, когда становится ясно, что без обострения конфликта не обойтись. Они с Софи начинают убегать от преследователей. Поскольку преследователи повсюду, Хаул взмывает в небо, увлекая Софи за собой. Для Софи это, разумеется, необычно и пугающе, и поэтому Хаул делает две вещи: даёт чёткие указания, как передвигаться по воздуху, чуть позже подкрепляя действия Софи (“Не поджимай ноги, продолжай идти”, “Отлично получается”) и обозначает, что бояться нечего (“Не бойся”). Далее он продолжает сообщать о своих дальнейших действиях, уменьшая неопределённость, создающую страх: “Я их отвлеку, а ты подожди немного и выходи”. Софи доверчиво улыбается и отвечает “Хорошо”].

В сцене преследования зритель видит две взаимодействующие модели поведения в опасной ситуации, мужскую и женскую. В сложной ситуации мужчина: а) *начинает решать ситуацию, не застревая в бесконечных извинениях перед случайно оказавшейся в той же ситуации дамой, даже если источником проблем явился он; б) проясняет ситуацию в самом начале, не скрывая от спутницы существенных деталей (искренен); в) снижает страх своей спутницы при помощи чётких инструкций, сообщения о своих намерениях и позитивного подкрепления*

(при этом сам, разумеется, демонстрирует спокойствие и уверенность). Послание Хаула в критический момент можно кратко обозначить как “Я честен с тобой, я знаю, что делать, доверься мне, мы выберемся”. Женщина же в сложной ситуации: а) *доверяется своему спутнику*; б) *не проявляет активности, если не встречалась с подобными ситуациями раньше*; в) *проявляет позитивные эмоции, если спутнику удалось её успокоить*. Послание Софи выглядит как “Я доверяю тебе, я не знаю, что делать, но верю, что ты знаешь, я благодарна, что ты со мной”.

Также обратим внимание на то, что в ситуации преследования Хаул *не демонстрирует* ни вины, ни агрессии по отношению к преследователям, ни страха. Негативные эмоции исключены из романтического дискурса. Возможно, здесь сказывается влияние японского культурного контекста, в котором, как известно, публично демонстрировать негативные эмоции не принято.

Глава вторая, где Софи случайно попадает к Хаулу домой. Совместная жизнь в замке.

[Опустив подробности того, каким образом ревнивая Ведьма Пустоши, влюблённая в Хаула, накладывает на Софи заклятие, обратимся сразу ко второй встрече Софи и Хаула, которая происходит в его Ходячем замке. Превратившись в старуху, Софи решает покинуть город и поискать себе другой дом. При помощи Пугала-Репки она попадает в Ходячий замок и сама назначает себя уборщицей, поскольку в замке очень грязно].

Эта забавная деталь сюжета косвенно указывает на некоторые интерпретации в рамках традиционных гендерных ролей: когда в доме живут одни мужчины (Хаул, Кальцифер и Маркл, несомненно, мужского пола), дом зарастает грязью; наводить порядок - это женская способность.

Ещё одна небезынтересная деталь заключается в том, что в момент появления Софи Хаула нет дома. Возможно, эту деталь можно интерпретировать в том смысле, что в этой истории *мужчина не сразу замечает, когда в его жизни появляется женщина, хотя она уже взяла на себя определённые обязательства по отношению к нему*.

Однако, что ещё интереснее, именно способность Софи наводить порядок приводит к обострению кризиса в жизни Хаула.

Глава третья, где рождаются доверие и искренность. Кризис прекрасного образа.

[Убираясь в ванной Хаула, Софи переставляет местами флаконы, и прекрасные светлые волосы мага, предмет его особой гордости, становятся обычными, тёмными. Разрушается прекрасный образ, который Хаул старательно создавал всё это время. Хаул сначала в ярости, но эта ярость почти сразу переходит в глубокое отчаяние. Его тело начинает растекаться по полу неаппетитной лужицей. Замок начинает трещать по швам, из всех щелей начинают лезть духи тьмы].

Отметим, что в сцене нарциссического краха Хаула Софи демонстрирует действия двух разновидностей: неэффективные и эффективные действия.

[Неэффективными оказываются все попытки утешить Хаула и сообщить ему, что его волосы вполне симпатичного цвета. Образ прекрасного светловолосого юноши всё ещё неодолимо притягателен для него. Хаул отвергает любые сообщения на эту тему и продолжает всё глубже погружаться в своё подавленное состояние. “Нет смысла жить, если ты некрасив”, заявляет Хаул. Это сообщение злит Софи, которая, как может догадаться зритель, никогда не считала себя красивой, в особенности сейчас, когда на неё действует заклятие, превращающее её в старуху. “Делай что хочешь, в конце-то концов! Я вот, например, никогда не была красавицей!!! Как мне это всё надоело!!!” - выпаливает Софи и выбегает на улицу, под проливной дождь, где разражается рыданиями. В этот момент появляется Пугало-Репка, который раскрывает над Софи зонтик. Эта забота утешает Софи, она улыбается и называет Репку милым].

В этом небольшом эпизоде мы наблюдаем возможность использования *отношений с другими людьми для получения поддержки*, когда в романтических отношениях что-то не складывается.

[Появляется Маркл, который уговаривает Софи вернуться, аргументируя тем, что “с Хаулом совсем плохо”. Софи берёт себя в руки, возвращается и помогает Марклу отправить уже почти безжизненного, глубоко страдающего по безвозвратно утраченной искусственной идентичности Хаула в ванную - прийти в себя. Это действие оказывается эффективным - во всяком случае, в следующей сцене мы увидим его в глубокой апатии, но уже не в отчаянии].

Автору статьи представляется, что эта сцена, в которой образ Хаула изменяется и приближается к естественному, - это один из важнейших этапов развития романтических отношений. Прекрасный воображаемый конструкт, создаваемый магом осознанно, производивший впечатление на людей в целом и на прекрасную половину человечества в особенности, разрушается, и Софи видит Хаула таким, какой он есть: злящимся, отчаявшимся, неуверенным, испуганным. Хаул смиряется с этим и рассказывает Софи, что происходит с ним на самом деле. В этот момент между ними рождаются доверие и искренность. Похоже, основная идея этого эпизода состоит в том, что *доверие и искренность невозможны без риска с одной стороны и принятия - с другой*.

Кроме того, этот эпизод наглядно демонстрирует зрителю следующие полезные идеи об отношениях:

- *даже имея благие намерения, можно невольно причинить вред близкому человеку;*
- *этот вред не является фатальным и непоправимым;*
- *в попытках исправить ситуацию можно допускать ошибки.*

Глава четвёртая, где Хаул получает право на слабость. Решение Хаула.

[В следующей сцене зритель видит Хаула лежащим неподвижно в постели в окружении бесчисленных охранных амулетов. Софи заглядывает

к нему и предлагает выпить тёплого молока, но Хаул отказывается. Тогда Софи собирается уходить, но Хаул просит её остаться. “Мой дом разыскивает Ведьма Пустоши, - сообщает Хаул. - Я ведь на самом деле трус. Весь этот хлам - это амулеты, отпугивающие ведьм. Мне так страшно, так страшно”. Хаул признаётся, что сам завёл знакомство с Ведьмой Пустоши, а затем удрал и теперь скрывается от неё. Но всех магов призывает король, поскольку сейчас война, и Хаул не знает, что ему делать. Кроме того, Хаулу определённо не нравится эта война, он считает её бессмысленной и жестокой. Софи предлагает Хаулу пойти к королю и попросить его остановить войну, но Хаул говорит “ты просто не знаешь этих людей”. “Но это же король, - говорит Софи. - Он должен думать обо всех”. В этот момент Хаула осеняет отличной идеей. Его апатию как рукой снимает. “Точно! - восклицает он. - Ты иди вместо меня!” Сцену, в которой Софи соглашается с предложением Хаула, зритель не видит, однако в следующей сцене она уже решительно собирается идти на встречу с королём. У самых дверей Хаул надевает на палец Софи кольцо. “Это амулет, - говорит Хаул. - Он поможет тебе вернуться невредимой”. “Не бойся, - говорит Хаул на прощание. - Я буду рядом, только в другом обличе”].

Хаул, которого поддержали в его бессилии, снова обретает способность заботиться о Софи и находчиво решать текущие задачи. Парадоксальным образом *право на слабость, которое даёт Хаулу решение Софи, позволяет ему снова начать чувствовать свою силу.*

Глава пятая, где поддержка рождает силу. Софи и Хаул выручают друг друга.

[Софи отправляется во дворец к королю, где переживает целый ряд приключений, которые не относятся к предмету нашего интереса. В конце её увлекательной беседы с главной придворной волшебницей мадам Салиман появляется Хаул, причём в конечном итоге он принимает своё настоящее обличье и высказывает мадам всё, что думает о маленьких победоносных войнах и своей обязанности участвовать в них. После этого решительного выступления Хаул и Софи с огромным трудом, на волосок от провала, сбегают из дворца, несмотря на нечеловеческие усилия мадам Салиман поймать Хаула и заставить его выполнять свою волю. Хаул отправляет Софи домой, к замку, а сам отвлекает внимание преследователей на себя].

Две основные идеи этого эпизода, как представляется автору, заключаются в том, что (а) *поддержка близкого человека даёт силу;* (б) *встреча лицом к лицу с тем, что пугает, позволяет справиться со страхом.* Поддержка Софи даёт Хаулу возможность проявить себя наилучшим образом, встретиться со своим страхом лицом к лицу и преодолеть его. Страх перестаёт сковывать Хаула, и это даёт ему свободу, которая проявится в следующем эпизоде.

Глава шестая, где, как всегда, любовь побеждает смерть. Спасение Хаула.

В следующем интересующем нас эпизоде мы обнаруживаем несколько видоизменённый, но достаточно хорошо известный читателю элемент романтического нарратива. Речь идёт о моменте, когда *любовь побеждает смерть*. Из широко известных произведений этот мотив очень ярко просматривается в “Аленьком цветочке” (и, разумеется, в “Красавице и Чудовище”), в “Белоснежке и семи гномах” и т. п. История Софи и Хаула в этом месте очень напоминает аналогичный эпизод из “Красавицы и Чудовища”.

[Хаул успешно отвлекает преследователей и отправляется разбираться с вражеской авиацией, которая в очередной раз зависла над мирным городом и производит соответствующие действия. На этот раз он определённо переоценил свои силы, и его подбивают. Хаул падает где-то в дикой гористой местности, и Софи вместе со всеми обитателями Ходячего Замка отправляется его искать. В конце концов она находит Хаула, попутно узнав историю его сделки с демоном Кальцифером, и умудряется совершить действие, невозможное согласно формальным правилам сюжета: оживляет Хаула и при этом сохраняет жизнь Кальциферу. Хаул приходит в себя, обнаруживает, что свободен от сделки, наконец-то проявляет свои чувства к Софи, и наступает классический хэппи-энд с поцелуем, предполагающий, что Софи и Хаул живут дальше вместе долго и счастливо, а как конкретно - это уже другая история].

В этой части истории, помимо идеи о том, что любовь побеждает смерть, отчётливо просматривается ещё несколько моментов.

Во-первых, придя в себя, Хаул обращает внимание на то, что волосы Софи посветлели и стали цвета звезды. “Как красиво!” - восклицает Хаул. Отметим, что волосы Софи становятся именно того цвета, который Хаул стремился искусственно придать своим собственным волосам в начале истории. *Это идея трансценденции собственного Я в любви, то, о чём писал Виктор Франкл: смысл, который мучительно ищется внутри себя, вдруг легко и непринуждённо, сам собой, рождается в отношениях с любимым человеком.*

Во-вторых, счастливое воссоединение Софи и Хаула оказывает положительное влияние на истории всех остальных персонажей поголовно. Пугало-Репка, например, расколдовывается и оказывается принцем соседнего государства. После этого он немедленно спешит домой, чтобы остановить безумную войну, которая на протяжении всей истории портила жизнь практически всем персонажам. Кальцифер остаётся живым и свободным, а также понимает, что у него есть настоящие друзья. Даже Ведьма Пустоши обретает возможность счастливо встретить столь долго откладываемую старость. *Назовём это идеей иррадиации счастья: счастье, которое рождается в отношениях двоих, может изменить в лучшую сторону мир вокруг них.*

На описании этих двух жизнеутверждающих концептов, как представляется автору, описание анализа можно завершить. В аниме “Ходячий замок” можно увидеть ещё множество сюжетных линий, идей и

смыслов, не проявивших себя в этой статье отчасти из-за необходимости ограничить её объём, отчасти из-за ограниченности возможностей автора. Можно лишь рассчитывать на то, что заинтересованный читатель сможет последовать за автором и использовать эту первую неуклюжую попытку нарративного анализа художественного произведения в собственных целях. Автор надеется когда-нибудь увидеть плодотворные результаты достижения этих целей и не сомневается в том, что результаты превзойдут описанное в этой статье. В свою очередь, автор обещает, что не оставит попыток поиска и описания смыслов в историях и будет совершенствоваться в нарративном анализе.

Литература

1. Пузанова Ж. В., Троцук И. В. Нарративный анализ: понятие или метафора? // Социология: 4М. 2003. №17.
2. Фридмен Д., Комбс Д. Конструирование иных реальностей. Истории и рассказы как терапия. - М.: Класс, 2001.
3. Ходячий замок (аниме) // Википедия. - [http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A5%D0%BE%D0%B4%D1%8F%D1%87%D0%B8%D0%B9_%D0%B7%D0%B0%D0%BC%D0%BE%D0%BA_\(%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%BC%D0%B5\)](http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A5%D0%BE%D0%B4%D1%8F%D1%87%D0%B8%D0%B9_%D0%B7%D0%B0%D0%BC%D0%BE%D0%BA_(%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%BC%D0%B5))

ОТНОШЕНИЯ ПРИВЯЗАННОСТИ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ЛИЧНОСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РЕБЕНКА И ВЗРОСЛОГО

В отличие от классического психоанализа теория привязанности рассматривает взаимодействие матери и ребенка не с точки зрения удовлетворения потребностей ребенка (питание и эмоциональное взаимодействие), а с точки зрения стремления ребенка к защите и безопасности. Инстинктивно ребенок чувствует, что его жизнь и здоровье полностью зависят от взрослого, находящегося рядом, поэтому существуют такие явления как социальная улыбка (вид улыбающегося младенца заставляет родителей испытывать позитивные эмоции), плач (ребенок сообщает родителям, что нуждается в их помощи) и т.д. На определенном уровне ребенок иногда сам может чувствовать, что утрата контакта с родителем означает, что он погибнет.

Джон Боулби является основоположником «Теории привязанностей». Он выявил повышенную значимость для психического развития ребенка установления продолжительных теплых эмоциональных взаимоотношений с матерью. Он и его последователи доказали необходимость развития привязанностей между ребенком и родителями (лицами, их заменяющими).

Боулби [2] предположил, что привязанность ребенка развивается следующим образом.

Фаза 1 (рождение - 3 месяца) неразборчивая реакция на людей. Эта фаза определяется тем, что дети реагируют на всех людей одинаково, вне зависимости от того как часто ребенок их видит. Они предпочитают человеческие лица, либо их изображения другим объектам. Практически с момента рождения дети начинают внимательно рассматривать человеческие лица. Начиная с трех недель, младенцы улыбаются при звуке человеческого голоса. Около 5-6 недель они улыбаются при виде человеческого лица, смотря другому человеку в глаза. Когда родители видят такую реакцию их ребенка, они испытывают массу позитивных эмоций. Примерно до трех месяцев младенцы улыбаются всем человеческим лицам, даже рисунку человеческого лица.

Фаза 2 (от 3 до 6 месяцев): фокусирование внимания на знакомых людях. В отличие от предыдущей фазы, младенцы в своих реакциях становятся избирательнее, ограничивая направленность своих улыбок знакомыми людьми.

Фаза 3 (от 6 месяцев до 3 лет): интенсивная привязанность и активный поиск близости. Начиная примерно с 6-месячного возраста, привязанность младенца к определенному человеку становится все более интенсивной и исключительной. Около 7-8 месяцев у младенцев возникает боязнь незнакомцев. К восьми месяцам дети обычно начинают ползать, что дает им возможность самим следить за местонахождением родителя. К 1-2

годам ребенок начинает активно познавать окружающий мир, все более отдаляясь от матери (или человека ее заменяющего). Чем больше ребенок уверен в том, что мать никуда не денется, не исчезнет, тем больше он может исследовать окружающий мир.

Фаза 4 (3 года - окончание детства): партнерское поведение. Начиная с трех лет, ребенок способен находиться без родителя более долгое время. Он может мысленно представить поведение родителя, когда тот отсутствует. Ребенок начинает действовать больше как партнер в отношениях. Боулби признавал, что о четвертой фазе привязанности известно немного, и мало высказывался о привязанностях в течение остальной жизни. Тем не менее, он сознавал, что они продолжают играть очень важную роль.

Мэри Д. С. Эйнсворт, последователь Боулби, для изучения привязанности, провела исследование детей в возрасте от 12 до 18 месяцев, которое было названо «незнакомой ситуацией» или «ситуацией чужого».[6,7] Вся процедура состояла из 8 эпизодов по 3 минуты:

Мать с ребенком оказываются в незнакомой комнате, знакомятся с обстановкой;

Ребенку предлагается исследовать новую игрушку в присутствии матери;

В комнату входит незнакомый человек, который просто наблюдает со стороны;

Мать с незнакомцем меняются местами, незнакомый человек предлагает ребенку поиграть;

Мать уходит и оставляет ребенка одного с незнакомцем;

Мать возвращается и начинает играть с ребенком;

Мать и незнакомый человек покидают комнату, оставляя ребенка одного;

Мать возвращается в комнату к ребенку.

Эйнсворт по результатам данного исследования описала **типы привязанностей у младенцев:**

Тип А - небезопасная привязанность избегающего типа (первоначально была признана исследователями, как безопасная привязанность);

Поведение детей практически не меняется, когда они остаются одни в комнате, вся энергия направлена на исследовательский интерес. Когда мать возвращается, они либо не замечают ее появления, либо демонстрируют незначительную реакцию. Дети избирают безразличную, сдержанную манеру поведения, чтобы себя защитить. Их так часто отвергали в прошлом, что они пытаются забыть о своей потребности в матери, чтобы избежать новых разочарований. Такие дети выглядят очень самостоятельными, но это защитная реакция. Основной мотив - "никому нельзя доверять". Подобное может быть, если ребенок очень болезненно пережил разрыв отношений с близким взрослым и горе не прошло, ребенок "застрял" в нем; либо если разрыв воспринимается как

"предательство", а взрослые - как "злоупотребляющие" детским доверием и своей силой.

Тип В - надежная безопасная привязанность;

Дети меняют свое поведение в зависимости от присутствия или отсутствия матери в комнате. Если мать рядом они демонстрируют исследовательский интерес по отношению к окружающему миру, если мать уходит, они огорчаются, и исследовательская активность окружающего мира снижается. Когда мать возвращается, дети какое-то время находятся рядом, затем опять начинают исследовать окружающий мир. Это здоровый паттерн привязанности. У младенцев наблюдается сильная потребность в близости матери. Когда мать уходит, они расстраиваются, когда она появляется, ребенок радуется и продолжает заниматься изучением окружающего мира. Матери таких детей отзывчивы и чутки к сигналам ребенка.

Тип С - привязанность тревожно - сопротивляющегося (амбивалентного) типа;

Попадая в игровую комнату, особенно, когда они остаются без матери, дети явно демонстрируют реакцию на дистресс. Их не привлекает окружающая обстановка. Когда мать возвращается, ребенок колеблется между стремлением к контакту и реакцией гнева на нее. Амбивалентный паттерн иногда называют "сопротивлением", поскольку дети не только отчаянно добиваются контакта, но и сопротивляются ему. Характерно для детей, чьи родители были непоследовательны и истеричны: то ласкали, то взрывались и били ребенка - делая и то, и другое бурно и без объективных причин, лишая тем самым ребенка возможности понять их поведение и приспособиться к нему.

Тип D - небезопасная привязанность дезорганизованного (дезориентированного) типа;

Это самый опасный тип нарушенной привязанности. В незнакомой ситуации после ухода матери дети либо «застывают» в одной позе, либо «убегают» от пытающейся приблизиться матери после её появления. Иногда данные дети могут демонстрировать элементы поведения первых трех типов привязанности. Эти дети научились выживать, нарушая все правила и границы человеческих отношений, отказываясь от привязанности в пользу силы, они предпочитают, чтобы их боялись. Характерно для детей, подвергавшихся систематическому жестокому обращению и насилию, и никогда не имевших опыта привязанности.

У взрослых также формируются определенные мысли и чувства по поводу привязанности, и их установки, без сомнений, влияют на то, как они относятся к своим детям. Мэри Мэйн и ее коллеги [6] в интервью "Привязанности взрослых" задавали матерям и отцам вопросы относительно их собственных ранних воспоминаний. Сосредоточив внимание на открытости и гибкости ответов родителей, Мэйн выработала типологию, которая, как оказалось, очень хорошо коррелирует с

классификациями детей в Незнакомой ситуации. Типы Мэйн включают в себя:

Уверенных/самостоятельных рассказчиков, которые говорят о собственном раннем опыте открыто и свободно. Дети этих родителей, как правило, питали к ним надежную привязанность. Очевидно, принятие родителями собственных чувств идет рука об руку с приятием сигналов и потребностей их малышей.

Отрицающих привязанность рассказчиков, которые говорят о своем опыте привязанности так, будто он маловажен. Эти родители, как правило, имели неуверенных, избегающих детей; они отвергали собственный опыт во многом таким же образом, каким они отвергали стремление своих младенцев к близости.

Озабоченных рассказчиков, интервью с которыми позволяют предположить, что они по-прежнему стараются, скрыто или явно, завоевать любовь и одобрение собственных родителей. Возможно, что их собственные нужды мешают им последовательно реагировать на потребности своих младенцев.

Таким образом, можно соотнести типы привязанностей у младенцев (Эйнсворт) и типы привязанностей у взрослых (Мэйн). На следующем этапе анализа нас интересует поведение взрослого человека в родительской роли.

Родители, отрицающих привязанность, отвергающие собственный опыт во многом таким же образом, отвергают стремление своих младенцев к близости. Такие родители говорят о своем опыте привязанности так, будто он маловажен. У таких родителей, скорее всего, будут дети с небезопасной привязанностью избегающего типа. Для того, что бы у детей сформировалась надежная безопасная привязанность, необходимо чтобы родители понимали потребности своего ребенка. Как известно для того, чтобы понимать потребности другого человека, необходимо понимать свои собственные потребности. Т.е. родители, которые ведут себя уверенно и самостоятельно формируют у детей такое же отношение к себе и окружающему миру.

Для родителей, показывающих озабоченный тип поведения характерно то, что их собственные нужды мешают им последовательно реагировать на потребности своих младенцев. Они по-прежнему стараются, скрыто или явно, завоевать любовь и одобрение собственных родителей. У таких родителей вероятнее всего будут дети с тревожно – сопротивляющимся (амбивалентным) типом привязанностей. Такие дети отчаянно добиваются контакта родителей, но не могут его добиться, т.к. родители сами не могут удовлетворить свою потребность в любви. Для формирования надежной привязанности у детей необходимы: чуткое и гибкое реагирование матери на сигналы ребенка; активное демонстрирование своих чувств по отношению к ребенку; запланированность и желанность рождения ребенка; сформированность

материнского инстинкта; фактор брачных отношений (отношения с мужчиной должны быть доверительными и удовлетворяющими женщину).

Существуют первичная и вторичная привязанности. Первичная привязанность у большинства людей возникает в раннем детстве к матери (или заменяющему ее лицу). Если первичный объект привязанности обеспечивает ребенку безопасность, надежность и уверенность в своей защищенности, он без труда налаживает вторичные привязанности с другими людьми: со сверстниками, учителями и пр. Без этого человек не сможет устанавливать вторичные привязанности с другими людьми, пока эти первичные потребности не будут удовлетворены. Эйнсворт утверждает, что чем менее надежной является связь с матерью, тем больше ребенок склонен подавлять свое стремление к другим социальным контактам.

Младенцы, взаимодействуя с родителями, развивают внутренние рабочие модели себя и других людей, которые используются, чтобы интерпретировать события и формировать определенные ответы и ожидания поведения других людей. Адекватный уход убеждает ребенка, что другие люди являются надежными партнерами. В центре рабочей модели находится модель себя и близкого человека, которые неразрывно связаны и взаимообусловлены. Ключевая характеристика себя определяется тем, как меня воспринимает объект моей привязанности. Глубокие эмоциональные связи со значимыми людьми служат основой и источником жизненных сил для человека. Сильная привязанность к родителям дает ребенку возможность развить базовое доверие к миру и положительную самооценку. Т.е. чем больше ребенок привязан к родителям, тем положительнее он относится к себе и к окружающему миру, к другим людям.

Анализ содержания феномена привязанности позволяет говорить о том, что в личности ребенка и взрослого качество привязанности можно диагностировать по следующим характеристикам:

- самооценке;
- отношению к другим людям (мнение о других людях);
- отношению к миру вообще;
- представлениям об отношении других людей к человеку;
- уровню тревожности;
- стрессоустойчивости;
- исследовательскому интересу ;
- творческим способностям;
- способности установить устойчивые отношения с другими людьми (любовь, дружба и т.п.).

На основе анализа описаний можно определить психологические особенности людей с разными типами привязанностей:

Для людей, у которых был сформирован надежный (автономный) тип привязанности, характерна положительная самооценка, активная

жизненная позиция, они чувствуют, что сами строят свою жизнь, по отношению к другим людям ведут себя уверенно и доброжелательно. Таким образом, человек с надежной привязанностью, скорее всего, обладает адекватной самооценкой, скорее позитивным мнением о других людях, представлением других людей о себе и мире в целом. Люди обладают низким уровнем тревожности и высокой стрессоустойчивостью. Способны адаптироваться к изменениям окружающего мира, не ограничивают себя в исследовании окружающий мир и проявлении творческих способностей. Так же способны устанавливать глубокие, доверительные отношения с другими людьми.

При формировании небезопасной привязанности избегающего (дистанцированного) типа дети и взрослые люди менее позитивно относятся к себе, т.к. родители не учитывали потребностей ребенка. Самооценка у них скорее заниженная, либо безосновательно завышенная (скорее защитная). Активность в социуме скорее как доказательство своего Я. Исследование мира как необходимость и стремление отстоять себя. Творческие способности не развиты. По-видимому, они могут быть чрезмерно агрессивны по отношению к другим людям. У них может возникать сложности с установлением устойчивых отношений с другими людьми, возможно, что такие люди часто меняют партнеров в дружественных и любовных отношениях. Мир воспринимается как враждебный.

Люди, у которых была сформирована привязанность тревожно – сопротивляющегося (амбивалентного) типа, скорее всего, имеют низкую самооценку, считая других людей лучше себя. Стремясь завоевать любовь и уважение других людей они делают все от них зависящее, но не получая этого злятся на других людей и на себя. Считают, что недостойны любви и внимания других людей. Уровень тревожности повышенный. Уровень стрессоустойчивости снижен. В близких контактах скорее подавляют свои желания, не отстаивая свою точку зрения. Потом испытывают злость по отношению к себе, партнеру и миру вообще. Творческие способности блокируются, исследовательский интерес так же не развивается.

В нашей работе планируется исследование первичной и вторичной привязанности у детей и у их матерей. А так же планируется исследование продуктов привязанности (отношение к себе, к другим людям, стрессоустойчивость, уровень тревожности, исследовательский интерес и творческие способности, а так же способность устанавливать устойчивые эмоциональные связи с другими людьми). Определение типа привязанности планируется с использованием наблюдения за поведением ребенка в различных ситуациях (исследовательская активность, отношения с родителями, отношения со сверстниками и т.д.). Определение типа привязанности у родителей планируется при помощи интервью о привязанностях для взрослых. (Adult Attachment Interview, AAI), в котором родителям обследуемых детей будут задаваться вопросы об их отношениях с их родителями и т.п.

Продукты привязанности (самооценка, уровень тревожности, отношение к другим людям и т.д.) будут исследоваться при помощи тестов, опросников и проективных методик.

Литература

1. Арчакова Т.О. Современные теории привязанности // Электронный сборник статей PsyJournals. 2009. №1.
2. Боулби Джон. Привязанность: Пер. с англ. - М.: Гардарика, 2003.
3. Боулби Джон. Создание и разрушение эмоциональных связей. - М.: Академический проект, 2004.
4. Калмыкова Е.С., Падун М.А. Ранняя привязанность и ее влияние на устойчивость к психической травме. Психологический журнал, т.23, №5, 2002.
5. Крейн Уильям. Теории развития. Секреты формирования личности. Пятое международное издание. -СПб: прайм Еврознак, 2002.
6. Ainsworth M.D.S. Attachment: Retrospect and prospect //Ed. by Parkes C.M., Stevenson-Hinde J. The place of attachment in human behavior. - N.-Y., 1982.
7. Ainsworth M.D.S., Blehar M., Warers E., Wall E. Patterns of Attachment. A psychological study of the strange situation. Hillsdale. - N.-Y.: Erlbaum Associates, 1987.
8. Main M., Kaplan N., Cassidy J. (1985) Security in infancy, childhood, and adulthood: A move to the level of representation. In: Bretherton I., Waters E. (eds) Growing points of attachment theory and research. Monographs of the Society for research in child development, 50 (1-2, Serial No.209)

ОСОБЕННОСТИ ДЕТСКО-РОДИТЕЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЙ В СЕМЬЕ С РЕБЕНКОМ С ОТКЛОНЕНИЕМ В РАЗВИТИИ

Любое нарушение или отклонение поведения члена семьи, как элемента семейной системы ведет к изменению ее структуры и всех внутрисемейных взаимоотношений. Часто такие изменения являются фактором травматизации для других членов семьи, что в свою очередь еще в большей степени ухудшает положение члена семьи, обнаружившего отклонения в поведении. Особенно ярко это проявляется в отношении детей; при появлении негативного изменения в поведении ребенка происходит перестройка функционирования всей семьи, но, прежде всего это касается детско-родительской подсистемы – нарастает напряжение во взаимоотношениях, у родителей появляется чувство вины и тревога за будущее ребенка [21], и, наконец, под действием этих и других факторов происходит трансформация отношения к самому ребенку. И уже подобное измененное отношение начинает оказывать влияние на формирование личности ребенка, отношение к нему начинает предшествовать его самосознанию, ребенок усваивает обращенную к нему точку зрения по поводу него самого [10, 17], таким образом, не давая возможности ребенку преодолеть первоначальное негативное изменение, или еще больше ухудшая его.

В литературе описаны основные особенности семей с детьми с теми или иными отклонениями в развитии. В первую очередь рождение ребенка с дефектом развития проявляется как сильнейший психологический стресс. Большинство родителей (но далеко не все) постепенно адаптируются к новой ситуации, но этот процесс происходит долго и болезненно, требуется большое количество времени, чтобы вернуться к обыденной жизни и заняться воспитанием ребенка. Однако сильный шок, пережитый ими в результате этой ситуации, способен возвращаться в виде «ретроспективных» тревог, бессонницы, периодических депрессий [5]

Daniel J. De Marle и Pieter le Roux отмечают, что признание родителями отклонения в развитии ребенка, независимо от фактических ограничений жизнедеятельности, может быть сравнимо с опытом интенсивной потери. Некоторые семьи переживают это как смерть «нормального» ребенка и его замену ребенком с ограниченными возможностями [23]. Наиболее это очевидно в ситуации появления ребенка с врожденными отклонениями в развитии, но также справедливо и для ситуации, когда отклонение в поведении ребенка становится заметным с возрастом – при появлении трудностей в обучении, (например, обнаружение синдрома дефицита внимания и гиперактивности при поступлении в школу или задержки умственного развития). Родители, в этом случае оказывается наедине со своими переживаниями, не имея

возможности выразить свои чувства в культурно приемлемой форме, что еще больше усиливает чувство изоляции [22, 23, 24].

Семьи детей с ограниченными возможностями также имеют другую жизненную перспективу, они по-другому проходят стадии жизненного цикла семьи – некоторые стадии могут быть удлинены, сокращены или никогда не наступят, происходит изменение ожиданий на будущее. Так, например, семья, зная о том или ином диагнозе ребенка, уже не ожидает, что ребенок когда-нибудь сможет научиться читать, или будет способен к созданию своей собственной семьи. Подобные изменения жизненных планов не могут не сказаться на эмоциональном состоянии родителей [14, 23].

Еще одной распространенной трудностью в семье с особым ребенком является возникающее напряжение между супругами, которое часто приводит к распаду семьи. Родители могут быть вовлечены во взаимные обвинения друг друга, заняты поиском «виновного». Появление в семье ребенка с патологией могут вызвать у одного родителей чувство неприязни, что приводит к эмоциональному отвержению ребенка данным родителем, к разрушению супружеской консолидации и глубокому кризису семьи [4]. Крайняя центрация на ребенке и высокая тревожность одного из супругов также могут привести к разладу в отношениях между партнерами.

Н.В. Лукьяненко указывает, что у родителей детей, имеющих особенности в развитии, в большей степени обнаруживается рассогласование между идеальным образом родителя, как принимающего и любящего и реальными чувствами к ребенку. Родители, особенно матери, в таких семьях в большей мере сосредоточены на себе как на родителе, чем на ребенке и взаимодействии с ним [8]. Переживание себя как недостаточно хорошего родителя приводит к развитию сильнейшего чувства вины, сказывающегося как на родителе, так и на ребенке [14, 15]

В семье, где есть ребенок с аномалиями развития, как правило, нагрузка по уходу за ним распределяется неравномерно. Так К. Теркельсон на основании своих наблюдений за семьями психически больными разработала концепцию «трех уровней вовлечения», описывающую типичную ситуацию в семье больного. Соответственно этой концепции семья разделяется на три слоя, которые концентрируются вокруг больного и различаются степенью и характером вовлеченности в опеку. Первый, внутренний слой – это обычно один человек, чаще всего мать или жена, берущая на себя роль главного опекуна, на которого ложится основная тяжесть повседневного ухода. Жизнь этого члена семьи полностью сосредотачивается на больном. Второй слой вокруг больного – это члены семьи, которые непосредственно участвуют в повседневной опеке, но их эмоциональная связь с проблемами больного меньше, они продолжают работать или учиться. Часто между ними и главным опекуном возникает отчуждение, угрожающее сплоченности семьи. Третий слой – наружный,

его составляют близкие и дальние родственники, которые знают о проблемах больного, но не имеют с ним повседневного контакта [21].

В случае появления в семье ребенка с отклонениями в развитии, как правило, главным опекуном становится мать и именно ее поведение, ее личностные особенности зачастую оказывают наибольшее влияние на эмоционального благополучия ребенка и успешность его адаптации [18].

В.М. Сорокин приводит данные о том, что более чем у 70% матерей детей с аномалиями развития отмечается чрезвычайно амбивалентное отношение к собственному ребенку. Противоречивость этого отношения проявляется в том, что ребенок одновременно рассматривается и как объект любви, и как источник страданий. Именно последнее, по оценке большинства матерей, является причиной частых приступов раздражения по отношению к ребенку. Также мать испытывает постоянную немотивированную тревогу за ребенка, неизменно ощущая присутствие какой-то опасности. Больше трети матерей отмечают, что постепенно формируется чувство стеснения собственного ребенка, провоцируемое за счет недоброжелательного и праздного любопытства окружающих [7, 15]. Чувство стеснения и чувство вины перед ребенком формируют переживание неполноценности себя как матери. И часто оказывается, что в большинстве случаев родителям необходима квалифицированная психологическая помощь, которая могла бы предотвратить на ранних стадиях формирование и фиксацию неадекватных стилей отношения к больному ребенку, в не меньшей степени осложняющее процесс его психического развития, чем само заболевание [11, 15].

Появление в семье ребенка с отклонениями в развитии, как уже было сказано выше, является сильным стрессом и глубина и сила последствий для семьи и для ребенка зависит во многом от личностных особенностей членов семьи, в том числе и матери [13, 19]. Так Е.Г. Силяева указывает на два типа реакции в зависимости от того, насколько интровертированы или экстравертированы матери – склонность к самообвинению или к обвинению окружающих соответственно [14]. Е.В. Хорошева приводит в результаты исследований, в которых сравнивались личностные особенности матерей нетипичных и здоровых детей. Так было выделено три типа личностных нарушений у матерей, имеющих ребенка с отклонениями в развитии: невротический, авторитарный, психосоматический. Также было обнаружено, что тревожность не является устойчивой характеристикой в структуре личности матери, а является реакцией на переживаемые трудности [19]. По данным Л.М. Шипицыной матери детей, имеющих сниженный интеллект, обладают высокой личностной тревожностью и что у матерей детей более старшего возраста эта тревожность ниже, чем у матерей детей более младшего возраста [20]. Также в исследовании Н.Л. Белопольской семей с психически больными детьми у матерей было обнаружено нарушение возрастной идентификации, выражающееся в искаженном восприятии времени и своего жизненного пути, на котором практически отсутствовали образы

будущего и настоящего [1]. Вследствие этих особенностей мать часто не может выполнять в полном объеме тех функций, которые необходимы для полноценного психического развития ребенка: своевременной эмоциональной поддержки и понимания взрослыми своеобразия формирования характера своего ребенка [6].

Родительское отношение, т.е. целостная система чувств родителя, включающая в себя особенности его восприятия, и понимание ими характера и поступков ребенка, а также поведенческих стереотипов, практикуемых родителем в общении с ребенком [3], в случае с нетипичными детьми часто начинает формироваться, опираясь исключительно на эту нетипичность ребенка, сосредотачивая свое внимание на его отличие от других детей. Е.А Екжанова указывает, что большинство семей, имеющих проблемного ребенка (53%), воспринимают трудности ребенка очень неоднозначно, а их ожидания относительно возможностей развития и социальной реализации своего ребенка колеблются от резко завышенных до полного неверия в наличие у него каких-либо возможностей. Вторая по численности группа (30%) представляет семьи с негативной реакцией как на ребенка, так и на имеющиеся у него проблемы, определяя его как неудачливого, неприспособленного к жизни, приписывая ему дурные наклонности и социально неодобряемые черты характера [9]. Подобное отношение к ребенку зачастую формирует его жизненные сценарий или «неосознаваемый план жизни»: родители адресуют ему какие-то послания, на основе которых он делает определенные умозаключения о самом себе, других людях и мире в целом, исходя из которых строится его жизнь в дальнейшем [2]. Понимание же родителями, в частности матерями, особенностей своего ребенка, признание ими права на его непохожесть на других детей закладывает основу для гармоничного взаимодействия с ребенком [12, 16].

Подводя итог, можно сказать, что материнство рассматривается с двух точек зрения: как обеспечение условий для развития ребенка и как часть личностной сферы женщины [18]. И в первом случае изучаемые материнское отношение, позиция, ожидания и установки, особенности детско-родительского взаимодействия в семьях с детьми с отклонениями в развитии описаны в литературе в исследованиях со множеством эмпирических данных и практических рекомендаций для отдельных заболеваний, но отсутствием единой концепции. Во втором – рассматривается аспект удовлетворенности женщины своей материнской ролью как стадия личностной и половой идентификации, что реже является предметом изучения в случае матерей детей с отклонениями в развитии, хотя как нам кажется, именно в переживании себя как матери может крыться ресурс для преодоления трудностей, связанных с материнством в семьях с особыми детьми. Таким образом, можно говорить о необходимости эмпирических исследований материнства как личностной сферы женщины в семьях с детьми с отклонениями в развитии и их

теоретического обобщения. Результаты подобных исследований будут полезны как в терапевтической работе с такими семьями, так и в качестве рекомендаций для самостоятельной работы родителей.

Литература

1. Белопольская Н.Л. Возрастная идентификация у матерей, воспитывающих детей с психической патологией. Сборник тезисов участников второй всероссийской научно-практической конференции по психологии развития «Другое детство». – М., 2009
2. Берн Э. Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры. Спб.: Лениздат, 1992
3. Варга А.Я. Системная семейная психотерапия - СПб. : Речь, 2001.
4. Демьянов Ю.Г. Семейные кризисы и дети с отклонениями в развитии и поведении. Сборник тезисов международной научно-практической конференции "Ананьевские чтения 2008"
http://www.psychology.spb.ru/conf2008/atezis_sbornik.php
5. Залобина А.Н. Особенности семей, воспитывающих детей с ограниченными возможностями. Сборник тезисов международной научно-практической конференции "Ананьевские чтения 2008"
http://www.psychology.spb.ru/conf2008/atezis_sbornik.php
6. Захаров А.И. Как предупредить отклонения в поведении ребенка М Просвещение. 1986:
7. Коротовских Л.А. Представления матери о ребенке с ограниченными возможностями. Сборник тезисов международной научно-практической конференции "Ананьевские чтения 2008"
http://www.psychology.spb.ru/conf2008/atezis_sbornik.php
8. Лукьянченко Н.В. Родительское отношение в семьях с ребенком, имеющим особенности развития. Сборник тезисов участников второй всероссийской научно-практической конференции по психологии развития «Другое детство». – М., 2009
9. Матвеева О.А. О матерях особых, проблемных детей.
<http://www.oim.ru/reader@nomer=114&mypage=20.asp>
10. Мид Дж. The I and the Mead. Хрестоматия. Социология: классические и современные парадигмы. М., 2002
11. Михайлова Е.В. Горшкова О. С. Исследование эмоциональных переживаний матерей детей с нарушениями развития. Представления матери о ребенке с ограниченными возможностями. Сборник тезисов международной научно-практической конференции "Ананьевские чтения 2008"
http://www.psychology.spb.ru/conf2008/atezis_sbornik.php
12. Петрова А.А. Материнские представления об индивидуально-психологических особенностях ребенка как фактор детско-родительского эмоционального взаимодействия. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата психологических

- наук. – Москва, 2008 (Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова)
13. Работа с родителями. Психоаналитическая психотерапия с детьми и подростками. Под ред. Дж. Циантис, С.Б. Ботиуса, Б. Холлефорс, Э.Хорн, Л. Тишлер. М.: Когито-Центр 2006.
  14. Силяева Е.Г. Психология семейных отношений с основами семейного консультирования / Е.Г. Силяева. – М.: Академия, 2005.
  15. Сорокин В.М. Кризисные переживания родителей с отклонениями в развитии. Сборник тезисов международной научно-практической конференции "Ананьевские чтения 2008" http://www.psychology.spb.ru/conf2008/atezis_sbornik.php
  16. Спиваковская А.С. Как быть родителями. М., 1986.
  17. Столин В.В. Самосознание личности. - М., 1983
  18. Филиппова Г.Г. Психология материнства. М.: Изд-во Института Психотерапии, 2002.
  19. Хорошева Е.В. Личностные особенности родителя ребенка с нарушениями развития. Сборник тезисов участников второй всероссийской научно-практической конференции по психологии развития «Другое детство». – М., 2009
  20. Шипицына Л. М. "Необучаемый" ребенок в семье и обществе: Социализация детей с нарушением интеллекта. - СПб. 2002
  21. Эйдемиллер Э.Г., Юстицкис В.В. Психология и психотерапия семьи. СПб., 2008
  22. Bennett, Tess, DeLuca, Deborah A. Families of children with disabilities: positive adaptation across the Life Cycle. Social Work in Education; Vol. 18 Issue 1, Jan 1996
  23. Daniel J. De Marle, Pieter le Roux. The life cycle and disability: experiences of discontinuity in child and family development. Journal of Loss & Trauma, 6: 2001
  24. Ziolk, Mary Ellen. Counseling parents of children with disabilities: a review of the literature and implications for practice. Journal of Rehabilitation , April-June, 1991

СУБЪЕКТИВНЫЙ УРОВЕНЬ ДИСКРИМИНИРОВАННОСТИ ПО ПРИЗНАКУ ВОЗРАСТА У ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РАЗЛИЧНЫХ ПОКОЛЕНИЙ СЕМЬИ

Возрастные отношения, представляющие собой аспект межчеловеческих отношений, для которого характерна актуализация возрастной идентичности участников, функционируют в различных сферах взаимодействия людей. В наших предыдущих исследованиях было показано, что ярче других эти отношения проявляются в тех сферах взаимодействия, которые несут в себе возрастнo-стратификационный потенциал. В частности, одной из наиболее типичных для проявления проблематики возрастных отношений является сфера внутрисемейного взаимодействия, которое предполагает реализацию поколенческих ролей, тесно связанных с возрастной принадлежностью людей [3].

Поколенческие роли в рамках одной семьи определенным образом соотносятся друг с другом в контексте проблемы распределения прав и обязанностей, возможностей и ограничений, что, как было эмпирически показано ранее [3], а в реальной жизни экстраполируется людьми и на возрастную принадлежность членов семьи. В этой связи одной из актуальных проблем становится проблема возрастной дискриминации во внутрисемейном взаимодействии людей, что и стало целью нашего исследования.

Учитывая неоднозначность трактовок феномена возрастной дискриминации, ее признаков и критериев, предметом исследования стал субъективный уровень возрастной дискриминированности, определяемый сами объектом отношения на основании собственных критериев. Обращение именно к субъективному опыту представляется более продуктивным потому, что именно таким образом можно выделить проблематику собственно возрастных отношений, которые, как отмечалось выше, определяются актуализацией возрастной идентичности человека, а не самим фактом его принадлежности к той или иной возрастной группе.

Для изучения субъективного уровня возрастной дискриминированности представителей различных поколений семьи нами использовался модифицированный вариант Опросника возрастной дискриминации E. Palmore [6], апробированный в наших предыдущих исследованиях [3]. Модификация заключалась в том, что испытуемым предлагалось анализировать только те ситуации, которые происходили с ними в рамках внутрисемейного взаимодействия. Полученные с его помощью данные подвергались количественному и качественному анализу. В исследовании приняли участие 225 человек, живущие в трехпоколенных семьях (при этом совместное проживание всех трех поколений не было обязательным условием), из них к «младшему» поколению семьи относилось 61 человек в возрасте от 16 до 18 лет, к

«среднему» - 83 человека в возрасте от 28 до 57 лет, в «старшему» - 81 человек в возрасте от 55 до 84 лет (см. таблицу 1).

Таблица 1. Характеристика исследуемой выборки

Исследуемые группы	Возраст испытуемых	Количество испытуемых, в том числе		
		мужчин	женщин	всего
«Младшее поколение»	16-18 лет	25	36	61
«Среднее поколение»	28-57 лет	34	49	83
«Старшее поколение»	55-84 лет	27	54	81

Количественный анализ полученных данных, представленный в таблице 2, свидетельствует о том, что чаще других интерпретируют поведение окружающих как дискриминирующее по признаку возраста представители «младшего поколения». Средне значение показателя субъективного уровня возрастной дискриминированности в этой группе составил 5,34 балла, что достоверно выше аналогичного показателя в группе «старшего поколения» (он составляет 2,93, различия определялись по критерию Манна-Уитни, $U=1022$, $\alpha<0,01$), а также выше показателя, полученного в группе «среднее поколение» (4,01). Вопреки ожиданиям, самый низкий показатель субъективного уровня возрастной дискриминированности наблюдается в группе представителей «старшего поколения» - «бабушек и дедушек».

Таблица 2. Количественная характеристика субъективного уровня дискриминации по возрастному признаку в семье у представителей различных поколений

Исследуемые группы	Субъективный уровень возрастной дискриминированности (по шкале от 0 до 16)	
	Среднее значение	Стандартное отклонение
«Младшее поколение»	5,34	3,17
«Среднее поколение»	4,01	3,10
«Старшее поколение»	2,93	3,22

С помощью контент-анализа полученных данных было показано, что представленные в таблице 2 количественные данные неоднородны по своей содержательной наполненности. Если в группах «детей» и «бабушек и дедушек» общий показатель субъективного уровня возрастной дискриминированности складывается преимущественно на основе актуального опыта ее переживания, то в группе «родителей» большой вклад в него вносит опыт, полученный ранее (см. таблицу 3). В

наименьшей степени дискриминационные аспекты возрастных отношений рефлексировались представителями «старшего поколения».

Таблица 3. Удельная частота упоминания ситуаций возрастной дискриминации во внутрисемейном взаимодействии, относящихся к различным периодам жизни, в различных группах испытуемых

Группы испытуемых	Период жизни, в котором присутствовали ситуации дискриминации по возрастному признаку		
	В данный период	В прошлом	Никогда
«Младшее поколение»	0,81	0,13	0,06
«Среднее поколение»	0,36	0,45	0,19
«Старшее поколение»	0,54	0,07	0,39

На следующих этапах обработки данных анализировались только те ответы испытуемых, которые относились к их актуальному опыту возрастных отношений. В частности, контент-анализ позволил выявить субъектов возрастной дискриминации в семье, чаще других упоминающихся представителями разных поколений (см. таблицу 4).

Таблица 4. Удельная частота упоминаний различных субъектов возрастной дискриминации в актуальном опыте внутрисемейного взаимодействия представителей разных поколений

Упомянутые субъекты дискриминации»	Группы испытуемых		
	«Младшее поколение»	«Среднее поколение»	«Старшее поколение»
«Младшее поколение»	0,04	0,23	0,73
«Среднее поколение»	0,80	0,09	0,27
«Старшее поколение»	0,16	0,68	-

Реже всего испытуемые отмечают поведение, интерпретируемое ими как дискриминирующее по признаку возраста, от родственников своего поколения – братьев, сестер и супругов. «Бабушки и дедушки» не указали подобных ситуаций вообще, в группах «родителей» и «детей» их удельная частота составила менее 0,1 (0,09 и 0,04 соответственно). Чаще других представители «младшего» и «среднего» поколения упоминают в этой связи своих родителей (0,80 и 0,68 соответственно), а «бабушки и дедушки» - собственных внуков (0,73). Таким образом, можно отметить своеобразный «круг внутрисемейной

возрастной дискриминации», благодаря которому у каждого поколения в семье есть возможность выступать не только в роли объекта, но и субъекта возрастной дискриминации.

Существование подобного «круга» позволяет предполагать, что в семейных отношениях, обладающих в силу своих структурно-функциональных особенностей возрастнo-стратифицирующим потенциалом, в качестве одного из их аспектов функционируют возрастные отношения, включенные в реализацию ролевых позиций в семье и участвующие в поддержании внутрисемейного взаимодействия.

Для проверки этой гипотезы было проведено сравнение показателя субъективного уровня возрастной дискриминированности во внутрисемейном взаимодействии у представителей разных поколений, проживающих совместно или отдельно друг от друга. По результатам в группе «детей» были отмечены статистически значимые различия между теми, кто проживает совместно с «бабушками и дедушками» (22 человека) и отдельно от них (39 человек): средние значения составили 4,06 и 6,11 соответственно, $U = 299$, $\alpha < 0,05$). На уровне тенденций аналогичные различия были выявлены при аналогичном анализе данных, полученных в группе представителей старшего поколения (средние значения составили 2,46 и 3,17 в группе из 67 «бабушек и дедушек», проживающих совместно с детьми и внуками, и 55, проживающих отдельно от них, соответственно). В группе представителей «среднего поколения» очевидных различий выявлено не было.

Указанные выше различия представляются весьма интересными, поскольку, на первый взгляд, противоречат «количественной логике»: чем больше представителей других поколений включены в процесс взаимодействия, тем больше потенциальных возможностей для проявления возрастной дискриминации. Однако выявленные различия свидетельствуют об обратном, что с большой долей уверенности можно трактовать как стабилизирующую функцию «поколенческого разнообразия» внутрисемейного взаимодействия применительно к напряженности возрастного аспекта семейных отношений. В частности, интенсивный опыт взаимодействия с представителями все трех поколений семьи, в отличие от взаимодействия, преимущественно ограниченного двумя поколениями, оказывается в этой связи своеобразным «фактором защиты».

В таблице 5 представлены результаты контент-анализа высказываний испытуемых, описывающих действия других членов семьи, которые воспринимаются ими как дискриминирующие по признаку возраста.

Таблица 5. Удельная частота встречаемости единиц контент-анализа, характеризующих действия, которые трактуются как возрастно-дискриминирующими представителями различных поколений

Единица контент-анализа	Удельная частота встречаемости* в группах		
	«детей»	«родителей »	«бабушек и дедушек»
Игнорировали мнение	0,13	0,03	0,17
«Учили жизни»	0,21	0,11	0,02
Наделяли избыточными поручениями	0,02	-	0,03
Давали прозвища, связанные с возрастом	0,05	0,02	-
Обидные поздравления с упоминанием возраста	0,02	0,02	0,02
Запреты, мотивируемые возрастом	0,35	0,19	0,38
Упрекали в том, что у моего поколения нет вкуса	0,03	0,03	0,02
Комплимент со ссылкой на возраст	-	0,06	-

*в таблице представлены только те единицы контент-анализа, удельная частота встречаемости которых позволяет охарактеризовать их как статистически устойчивые [2]

Как видно, чаще других в качестве поведения, трактуемого как дискриминацию по возрастному признаку, представители всех поколений отмечают различные запреты, мотивируемые возрастом. Удельная частота этой категории составляет 0,35, 0,19 и 0,38 в группах «детей», «родителей» и «бабушек и дедушек» соответственно. Однако запреты, значимые для «детей» и «бабушек и дедушек», содержательно отличаются от запретов, отмечаемых «родителями». В первом случае речь идет о запретах, ограничивающих преимущественно повседневную активность человека (0,34 в группе «детей» и 0,29 в группе «бабушек и дедушек»). «Дети» рассматривают в качестве дискриминирующих действий запреты на просмотр тех или иных телевизионных программ, позднее возвращение домой, ночевки вне дома и т.д. представители «старшего поколения» отмечают запреты на употребление тех или иных продуктов, занятия спортом, длительные отлучки из дома (например, на отдых), ношение «слишком яркой» или просто «молодежной» одежды. В группе «родителей» наибольшее количество упоминаемых запретов касается ограничений в выстраивании собственной жизни (0,14): запрет на рождение еще одного ребенка, создание новой семьи, смены места жительства и т.д.

Помимо апеллирующих к возрасту запретов, представители «младшего поколения» часто рассматривают как возрастно-дискриминирующие те ситуации, в которых не учитывается их мнения по

вопросам, имеющим к ним непосредственное отношение (переезд, планирование летнего отдыха и т.д., удельная частота встречаемости составляет 0,13), а также ситуации, в которых представители старших поколений используют прямые воспитательные преамбулы – «учат жизни» (0,21).

Подобные «прямые воспитательные воздействия», прежде всего со стороны «бабушек и дедушек», отмечают и «родители» (0,11). Помимо этого, необходимо отметить, что в данной группе довольно часто (0,06) упоминаются такие ситуации, в которых апелляция к возрасту используется в виде комплимента, который, хотя и содержит в себе формально то или иное ограничение, но несет в себе позитивный эмоциональный потенциал, чего не наблюдается в других поколенческих группах (использование «анти-возрастной» косметики, ношение «стариковской» одежды, отказ от карьерных планов и т.д.).

Представители «старшего поколения», помимо обозначенных выше запретов, в качестве возрастно-дискриминирующего поведения со стороны собственных детей и внуков чаще других упоминают игнорирование их мнения по поводу тех или иных семейных проблем.

Таким образом, на основании полученных результатов можно сделать следующие выводы:

1. Наблюдаются различия между показателями субъективного уровня возрастной дискриминированности испытуемых-представителей различных поколений семьи. Эта проблема наиболее актуальна для представителей «младшего» поколения и несколько менее выражена для «старшего». Представители «среднего» поколения применительно к текущему периоду жизни отмечают ее значительно реже.

2. Если «дети» и «бабушки и дедушки» характеризуют проявления возрастной дискриминации в свой адрес со стороны родственников, прежде всего, посредством описания их конкретных поведенческих практик (запреты, назидания, игнорирование и т.д.), то «родители» указывают в этой связи преимущественно ситуации жизненного выбора, который, по их мнению, был сделан за них или вместо них. Из литературы известно, что именно младшее и старшее поколения значительно чаще, чем среднее, становятся объектом возрастно-дискриминирующего отношения [2; 4]. В качестве гипотезы, требующей дальнейшей эмпирической проверки, можно предположить, что субъективное переживание возрастной дискриминации «среднего» поколения семьи может быть отрицательно связано с уровнем личностной зрелости, являющейся аскриптивно-нормативной характеристикой взрослости. Следовательно, высокие показатели субъективного уровня возрастной дискриминированности у этой группы могут нести большой потенциал внутрисемейного конфликта, в сравнении с «младшим» и «старшим» поколениями.

3. В трехпоколенном семейном взаимодействии реализуется «круг возрастной дискриминации», который позволяет снизить субъективную

значимость подобных ситуаций за счет возможности выступать не только в роли объекта, но и субъекта возрастной дискриминации, которая имеется у каждого члена семьи. В этом смысле активное взаимодействие в рамках трехпоколенной семейной структуры, в отличие от двухпоколенной, оказывается для человека своеобразным «фактором защиты» в контексте проблемы психологической напряженности возрастного аспекта внутрисемейных отношений.

Литература

1. Еремеев Б.А. Статистические процедуры при психологическом изучении текста. – СПб., 1996
2. Левинсон А.Г. Старость как институт // Отечественные записки. – 2005. – №3 (23). – с. 8-26
3. Микляева А.В. Возрастная дискриминация как социально-психологический феномен. – СПб., 2009
4. Поправко Н.В. Ценностные параметры жизненных стратегий и жизненных планов молодежи томского региона // Ценностные параметры жизненных стратегий и жизненных планов молодежи Томского региона. – Новокузнецк, 2001 (5). – С. 59-66
5. Palmore E. The Ageism Survey. First Findings // The Gerontologist.- 2001. – Vol. 41. – No5. – pp. 572-575

К ПРОБЛЕМЕ ДИСТАНТНОГО БРАКА В СОВРЕМЕННЫХ СУПРУЖЕСКИХ ПАРАХ

*«Если вы отлучаетесь ненадолго, я
готова ждать вас всю жизнь».
(Оскар Уайльд)*

Институт семьи, её историческое развитие, задачи, функции были изучены и описаны многими зарубежными и отечественными авторами (Р. В. Овчарова, А. М. Прихожан, С.И. Голод, И.В. Гребенников, В.С. Торохтий, В. Сатир, Л.Б. Шнейдер, М. Мид). Времена меняются, меняются законы, культура, сами люди. Институт семьи существует очень давно, но и он не остался неизменным. Так, обратясь к истории, можно наблюдать «изменение традиций заключения брака, переход от закрытой к открытой системе выбора брачного партнера. До середины XIX века в России действовала традиция заключения брака "по сговору родителей" с помощью сватовства. Так называемые браки "самокруткой", т.е. по личной договоренности жениха и невесты без предварительного согласия родителей встречались редко. К таким союзам общественное мнение относилось враждебно, считая их противозаконными и безнравственными. Во второй половине XIX века почти повсеместно зарождается новый предбрачный ритуал: молодые люди сами договариваются о женитьбе, но обязательно уведомляли об этом родителей, их мнение по-прежнему имело первостепенное значение»[4]. В современном мире человек может выбирать форму семейной жизни такую, какая будет ему удобна, иногда игнорируя традиционные представления о семейном укладе.

В социальных и психологических исследованиях широко обсуждается вопрос о современной семье, её составе, структуре, предназначении. В настоящее время можно увидеть, что авторы описывают новые формы брака и семейных отношений: от традиционного брака до гостевого, появились такие понятия как студенческая семья и дистантный брак (В.М. Целуйко, Н.Я. Соловьёв, В.С. Торохтий) .

Наше исследование посвящено особенностям дистанционного или дистантного брака. Таким семьям свойственно частое отсутствие одного из супругов, связанное, как правило, со спецификой профессиональной деятельности (моряки, военные, артисты и т.п.). В последнее время к таким семьям стали относить семьи, где один из супругов проживает отдельно от семьи по различным мотивам (кроме случая развода) (В. С. Торохтий). Стоит отметить, что семьи, в которых совместная жизнь супругов подвержена частым и длительным разлукам, появились очень давно, но до сих пор исследований с подробным описанием такой формы брака немного. В социологических работах проблемы дистантного брака часто

сводятся к обсуждению проблем «неполных» семей и вопросов воспитания детей.

Актуальность изучения брака, где супруги, находятся в условиях длительной разлуки, возрастает в условиях современного общества. Стремление современного человека к самореализации не только в семейной, но и в профессиональной сфере, с одной стороны и неуклонно возрастающие требования к квалификации специалиста, для повышения которой необходимо знакомство не только с отечественным, но и международным опытом – с другой, делают такой брак все более распространенным. С появлением новейших технических средств коммуникации, таких как сеть Интернет, скайп, мобильная связь, когда с партнёром можно связаться в любой момент, форма такого брака становится более приемлемой и доступной для многих людей. В чём же заключается специфика такой формы брака?

Можно предположить и выдвинуть гипотезы о том, что в семейных взаимоотношениях, в условиях длительной разлуки супругов, возможны изменения в ролевой структуре, в распределении обязанностей, в отличие от семей, члены которых не имели опыта разлуки. Возможно, что эти изменения могут стать показателями дисфункциональной семьи.

«Семейные роли — устойчивые функции семейной системы, закрепленные за каждым из ее членов. Ролевая структура семьи предписывает ее членам что, как, когда и в какой последовательности они должны делать, взаимодействуя друг с другом»[5]. Так же в понятие «роль» включаются желания, убеждения, чувства, цели, ценности и действия, которые ожидаются или приписываются члену семьи. «Показателем дисфункциональности семейной системы служит появление патологизирующих ролей, которые позволяют семье как системе сохранять стабильность, однако в силу своей структуры и содержания оказывают психотравмирующее воздействие на ее членов»[6].

Также можно предположить, что существует взаимосвязь выбора брака, где возможны длительные разлуки супругов, и личностных особенностей партнёров. Каков же временной период, на который в нашем современном обществе люди могут и готовы расставаться?

Для выявления представлений о временном периоде возможной разлуки был проведён письменный опрос. В нём приняли участие мужчины (42 человека) и женщины (62 человека) от 18 до 55 лет. Всего 104 человека. Вопрос звучал так: «На какое время Вы могли бы расстаться с партнёром, чтобы отношения остались прежними (из за работы, командировки, обстоятельств)»?

Исходя из полученных данных, можно сказать, что наиболее приемлемым периодом разлуки оказался период 2-3 месяца (21.4% мужчин и 25.8 % женщин выбрали этот срок). На втором месте по приемлемости у мужчин оказалось два интервала: 1 месяц (19%) и «любое длительное время (бесконечность)» (тоже 19%). Для женщин на втором месте

обозначен срок «полгода» (ответили 21% женщин) и на третьем – 1 месяц (16.1%).

Также, можно отметить, что ни одна женщина не ответила, что не знает ответа. Но при этом, 3,2 % всех опрошенных женщин ответили, что не могут расставаться ни на какое количество времени. Тогда как мужчины, напротив, говорили, что не знают ответа; также были ответы «мало данных» или «непонятно всё как» (7,1%). Женщины (11,3%) чаще мужчин (4,8%) писали, что готовы расстаться или на 3 дня или «ну максимум на неделю». В ответах женщин встречается обсуждение вопроса возможных коммуникационных средств («skype», «телефон»). Они ищут возможности «усиления» контакта в условиях разлуки.

В результате содержательного анализа ответов было обнаружено, что мужчины давали больше вербальных объяснений, а не количественных ответов. Звучали такие фразы как «всю жизнь, если это любовь», «10 лет и более, а вообще бесконечно», «бессрочно», «не имеет значения, если любишь человека», «всё зависит от мужчины и от отношений», тем самым игнорируя аспект времени.

Таким образом, мы видим, что форма таких отношений, как «дистантные» отношения представляется возможной для современного человека. Лишь небольшая часть (3,2 процентов женщин) не могут представить себе разлуки с партнёром.

Следующей задачей нашего исследования является изучение ролевых ожиданий и притязаний партнеров, проживающих в дистантном браке.

Литература

1. Целуйко В.М. Психология современной семьи.- М., 2004.
2. Соловьев Н.Я. Брак и семья сегодня. - Вильнюс, 1977.
3. Торохтий, В.С. Психология социальной работы с семьей [Текст] /В.С. Торохтий. – М.,1996.
4. Жирнова Г.В. Брак и свадьба русских горожан в прошлом и настоящем. – М., 1998.
5. Минухин С., Фишман Ч. Техники семейной терапии/Пер. с англ. А.Д. Иорданского. — М.: Независимая фирма "Класс", 1998.
6. Эйдемиллер Э.Г., Юстицкис В.В. Психология и психотерапия семьи. СПб., 2000.
7. Андреева Г. М. Социальная психология — М.,1980.

РОЛЬ СЕМЬИ В ФОРМИРОВАНИИ СОЦИАЛЬНОГО САМОЧУВСТВИЯ ЧЕЛОВЕКА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Данные отечественной статистики, ежегодно сопоставляющей количество браков и разводов, приводят многих социологов и демографов к выводу о кризисе социального института семьи в современном российском обществе. В телевизионных дебатах даже был поставлен на обсуждение вопрос: что будет после семьи?

Однако подобного рода выводы, скорее всего, несколько поспешны и основаны на чисто статистических данных, в то время как институт семьи не сводится к официальной регистрации отношений в соответствующих государственных учреждениях или с помощью религиозного обряда. Изначально целями создания семьи было объединение людей для совместного проживания, которое: а) облегчало жизнь каждого из объединяющихся за счет разделения труда; б) способствовало повышению их защищенности от внешних опасностей; в) обеспечивало продолжение рода и воспроизводство общества.

Для достижения этих целей необходимым постепенно становилось формирование определенных взаимоотношений между членами семьи, которое могло сementировать семью, обеспечить согласованность и единство их действий. Постепенно к чисто прагматическим (и даже биологическим) целям образования семьи исторически прибавились новые смыслы и цели образования и существования семьи – сами по себе взаимоотношения, психологически связывающие членов семьи в постоянно действующую контактную общность, которые стали представлять для них определенную самооценку и привлекательность. В современном обществе нередко именно эта цель становится доминирующей, и если внутренняя эмоциональная взаимосвязанность членов семьи и взаимное притяжение ослабевают, семья распадается. В то же время, по данным той же статистики, значительная часть разведенных впоследствии снова вступают в официальный или неофициальный брак, т.е. снова пытаются строить семью. Значит, дело не в том, что институт семьи разваливается, он просто становится более сложным по внутренней структуре отношений, а также более динамичным, потому что он развивается вместе с обществом, и это, конечно, проблема для социологии и психологии – изучать специфику и тенденции развития семьи в настоящее время.

Вывод о том, что семья продолжает оставаться не только одной из главных форм образующих социум общностей, но и сохраняет свою психологическую значимость для многих людей позволяют сделать данные изучения социального самочувствия человека в современном мире, которое было проведено автором совместно с А.А. Грачевым в 2005-2006 гг. по гранту РГНФ. Исследованием было охвачено 397 жителей Санкт-

Петербурга, и хотя выборка была случайной, она в основном, оказалась репрезентативной по всем важнейшим социально-демографическим параметрам, кроме одного: в выборке несколько завышена доля опрошенных, имеющих высшее образование. Однако, учитывая специфику Санкт-Петербурга, именно эту категорию его жителей можно считать наиболее значимой и типичной для мегаполиса.

По данным исследования, именно семья характеризовалась наиболее высокими показателями социального самочувствия человека прежде всего по сравнению с такими общностями как трудовая организация, город как место проживания и страна в целом. Некоторые показатели социального самочувствия человека в семье и в других общностях приведены в таблице 1.

Таблица 1. Сводная таблица показателей социального самочувствия опрошенных в разных общностях включения в социум

Оцениваемая характеристика	Общность включения в социум				
	Страна	Город	Организация	Первичный коллектив	Семья
Информированность об общности	0,11	0,26	0,57	0,72	0,70
Наличие условий для развития способностей и склонностей	-0,22	0,02	0,25	0,42	0,75
Стабильность положения	-0,20	0,29	0,49	0,43	0,39
Принятие на себя ответственности за то, что происходит	-0,04	0,06	0,39	0,67	0,87
Свобода высказывания мнения в данной общности	-0,007	0,27	0,16	0,65	0,88
Переживание гордости за общность	0,52	0,77	0,41	0,53	0,83
Возможность активно участвовать в общественной жизни общности	0,005	0,22	0,32	0,62	0,85
Учет властями общественного мнения при принятии упр. решений	-0,45	-0,31	0,08	0,34	-
Ощущение своей причастности к данной общности	0,64	0,64	0,65	0,76	0,80
Благоприятность ситуации для себя лично	0,05	0,28	0,50	0,64	0,77
Общая удовлетворенность данной общностью включения в социум	0,05	0,41	0,38	0,64	0,77

Данные таблицы демонстрируют наличие достаточно дифференцированных оценок характеристик социального самочувствия в разных общностях. В то же время результаты исследования подтверждают вывод о том, что и в современном мире именно семья обеспечивает человеку ближайшую контактную сферу психологической защиты и, кроме того, предоставляет наиболее благоприятные условия для реализации его субъектности, высокого уровня проявления личностной активности. Это демонстрируют такие показатели социального самочувствия опрошенных в семье как оценки свободы высказывания в ней своего мнения (общий индекс групповой оценки составил 0,88),

ощущения своей причастности к данной общности (0,80), переживание гордости и ответственности за нее (0,83). Из всех рассмотренных общностей включения человека в социум именно семьей в наибольшей степени удовлетворены все опрошенные (индекс групповой оценки удовлетворенности составляет 0,77).

Самую низкую оценку получила стабильность и надежность положения семьи (0,39), однако, эта характеристика в значительной степени зависит от объективных условий существования семьи.

Интересно отметить, что в оценках характеристик своего социального самочувствия в семье *не обнаружено статистически достоверных различий между группами опрошенных, состоящих в официальном и в гражданском браке*, что подтверждает высказанное ранее утверждение автора о том, что социальный институт семьи включает в себя не только официально оформленные, но и неофициальные отношения между людьми.

В то же время в исследовании *обнаружен целый ряд статистически достоверных различий в оценках показателей социального самочувствия в группах лиц, состоящих и не состоящих в браке*. Лица, не состоящие в браке, оценивают выше:

- степень благоприятности ситуации в городе для себя лично;
- возможность свободно высказывать своё мнение в первичном коллективе;
- возможность участвовать в жизни профессионального сообщества;
- возможность заниматься любимыми делами, предоставляемую профессией;
- возможность проявления творчества в работе;
- возможность сохранять здоровье, предоставляемую профессией;
- благоприятность условий труда для сохранения здоровья;
- удовлетворенность развлечениями;
- удовлетворенность общением с товарищами и друзьями;
- удовлетворенность возможностями для саморазвития;
- переживание удовольствия от работы.

В то же время, в группе лиц, не состоящих в браке, статистически достоверно ниже показатель трудовой стабильности, т.е. они в меньшей степени ориентированы на постоянную работу в одном коллективе.

Лица, состоящие в браке, статистически достоверно выше, чем неженатые (незамужние) оценивают:

- материальные возможности обеспечить себя и семью;
- возможность принимать активное участие в решении семейных вопросов;
- свободу высказывания своего мнения в семье;
- переживание ответственности за семью.

В целом, лица, не состоящие в браке, с одной стороны, характеризуются как более активные не только в работе и в профессии, но и в общении и в развлечениях, т.е. ориентированы на более активный образ жизни, а с другой стороны, они в меньшей степени ориентированы на семейную жизнь. Однако на многих показателях социального самочувствия, в том числе на оценке удовлетворенности жизнью в целом семейное положение опрошенных существенно не отразилось.

Интересно отметить, что при наличии достоверных различий между лицами, состоящими и не состоящими в браке, в целом все показатели социального самочувствия опрошенных в семье взаимосвязаны статистически достоверными коэффициентами корреляции. Характеристику социального самочувствия опрошенных в семье как общности включения в социум можно дополнить данными кластерного анализа, приведенного на рис. 1.

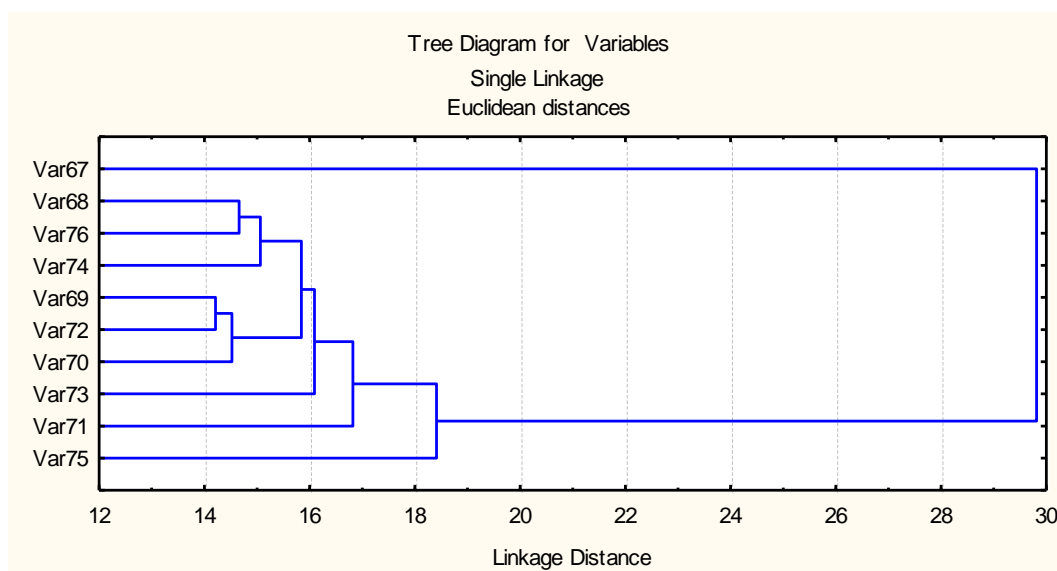

Рисунок 1. Кластерный анализ показателей социального самочувствия человека в семье

Условные обозначения оценок:

- Var.67 – стабильности и надежности положения семьи
- Var.68 – гордости за свою семью
- Var.69 – возможности активно участвовать в решении семейных проблем
- Var.70 – переживания ответственности за семью
- Var.71 – условий в семье для реализации способностей и склонностей
- Var.72 – свободы высказывания своего мнения в семье
- Var.73 – поддержки семьи в трудные минуты
- Var.74 – крепости и надежности семьи
- Var.75 – информированности о проблемах семьи и ее членов
- Var.76 – уважения друг к другу в семье

Обращает на себя внимание диапазон расположения взаимосвязей между показателями в данном блоке: почти все они находятся в интервале между 14 и 20 единицами эвклидовой дистанции, а наиболее тесно

взаимосвязанные – в интервале от 14 до 16 единиц дистанции, т.е. действительно, очень близки друг с другом.

Наиболее тесная взаимосвязь обнаруживается между оценками таких показателей социального самочувствия человека в семье как возможность активно участвовать в решении семейных проблем (Var.69) и свобода высказывания мнения в семье (Var.72);

этот блок, в свою очередь, взаимосвязан с оценками переживания своей ответственности за семью (Var.70).

Второй блок наиболее тесно взаимосвязанных показателей образуют оценки гордости за семью (Var.68) и уважения в семье друг к другу (Var.76); в дальнейшем, этот блок взаимосвязан с оценкой крепости и надежности семьи (Var.74).

Оба блока объединяет связь с оценками поддержки семьи в трудные минуты (Var.73); самая слабая связь со всеми остальными показателями наблюдается в оценках стабильности и надежности положения семьи (Var.67, не путать с оценками крепости и надежности самой семьи!). Эти оценки выпадают из общего ряда тесных взаимосвязей; они выступают в качестве завершающей весь кластер характеристики, но находятся на значительном отдалении от всего взаимосвязанного комплекса остальных показателей. По всей вероятности, подобная специфика не случайна: как уже было отмечено, стабильность и надежность положения семьи по всей вероятности, определяются не столько ее внутренними характеристиками, сколько внешними условиями существования семьи, которые не всегда зависят от нее.

Так, например, при сравнении показателей социального самочувствия человека в семье, полученных в группах опрошенных, которые отнесли себя к разным категориям материальной обеспеченности, оказалось, что статистически достоверные различия обнаруживаются между этими группами, **в основном, в оценках стабильности и надежности положения своей семьи**, что демонстрируют данные табл. 2.

Таблица 2. Индексы групповых оценок характеристик социального самочувствия человека в семье в группах опрошенных с разными уровнями материальной обеспеченности¹

Оцениваемые характеристики	Обеспеченные		
	хорошо	средне	мало
Надежность положения семьи	0,75*	0,44*	-0,12
Гордость за семью	0,85	0,75	*
Возможность активно участвовать в решении семейных вопросов	0,78	0,90	0,78
Ответственность за семью	*	*	*
Создание в семье условий для реализации способностей и склонностей	*	0,80	0,61
Свобода высказывания мнения в семье	0,75	0,91	*

Оцениваемые характеристики	Обеспеченные		
	хорошо	средне	мало
Поддержка семьи в трудную минуту	*	*	*
Уверенность в крепости семьи	*	*	*
Информированность о событиях в семье	*	*	*
Уважение в семье друг к другу	*	0,82	0,69
Удовлетворенность семьей	*	0,87	0,70

Знаком * обозначены группы показателей, различия между которыми статистически не достоверны.

Интересно отметить также, что в целом оценки удовлетворенности семьей не обнаруживают статистически достоверных связей с удовлетворенностью материальным благосостоянием семьи, что еще раз подчеркивает значимость содержательных взаимосвязей в семье. Кроме того, показатели удовлетворенности жизнью в целом также непосредственно не связаны с показателями уровня материального благосостояния, что обнаруживается и в корреляционном анализе.

Из числа показателей социального самочувствия в семье наиболее независимыми от категории материальной обеспеченности оказались оценки:

- своей информированности о событиях в жизни, проблемах и переживаниях членов семьи.
- уверенности в крепости и надежности своей семьи;
- поддержки со стороны семьи в трудные минуты;
- переживания ответственности за то, что происходит в семье.

Нельзя не заметить, что независимость перечисленных характеристик от категории материальной обеспеченности опрашиваемых достаточно логична с точки зрения здравого смысла.

Наибольшее количество отчетливо статистически достоверных различий в показателях социального самочувствия человека в семье обнаруживается между группами средне- и малообеспеченных респондентов; они касаются оценок:

- условий в семье для реализации способностей и склонностей;
- возможности активного участия в принятии решений по семейным проблемам;
- переживания гордости за свою семью;
- уважения в семье друг к другу.

При этом между группами хорошо и средне обеспеченных в данной выборке статистически значимые различия выявились только в оценках свободы высказывания своего мнения в семье и возможности активного участия в принятии решений по семейным вопросам.

В целом, можно считать, что *в основе благоприятного социального самочувствия человека в семье лежит возможность активного проявления своей субъектности в форме свободы высказывания своего*

мнения и возможности активно участвовать в решении семейных проблем. Именно эти проявления субъектности определяют сравнительно высокий уровень принятия опрошенными ответственности за семью на себя.

Таким образом, семья остается жизненно важной для человека ячейкой общества. Если сопоставить показатели самочувствия человека в семье с аналогичными показателями в других общностях, то можно даже высказать предположение, что в современных условиях некоторого дискомфорта человека в масштабе города и страны его самочувствие в семье выполняет защитную и компенсаторную функцию, создавая более благоприятные условия для самореализации и активной позиции личности. Естественно, необходимо учитывать, что в нашу выборку в основном попали люди, благополучные в плане наличия семьи – своей личной или родительской, официальной или неофициальной.

Эти данные, на наш взгляд, подтверждают сохранение значимости семьи в современном обществе и позволяют утверждать, что потребность общества в наличии такой ячейки общества как семья, по всей вероятности, не может исчезнуть, пока существует общество. Однако, формы существования семьи, условия ее институционализации, временные параметры ее существования носят исторический характер, они изменяются в соответствии с социальными запросами общества и в определенной степени зависят от уровня материального благосостояния общества в целом и тех условий, которые оно может предоставить семье.

Специфика исторических условий развития семьи как социального института в современном российском обществе связана прежде всего с процессами глобализации социального, экономического и информационного развития мирового сообщества, которые оказывают прямое влияние на изменение функций семьи в обществе, личностных установок членов семьи в сфере семейных отношений, а также на динамику развития межличностных взаимоотношений в условиях широкого распространения сети общения через интернет. Однако, подобный анализ – задача для социологического исследования.

ИЗУЧЕНИЕ ДИНАМИКИ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О СЕМЬЕ ПРОЕКТИВНЫМИ МЕТОДАМИ

Динамика (от греч. *dynamis* – сила) - состояние движения, ход развития, изменение какого-либо явления под влиянием действующих на него факторов. У Аристотеля *dynamis* - потенция действия, заключенная в силе (иными словами возможность, латентная сила), в отличие от энергии или энтелехии – активно, фактически действующей силы [1].

Социальная динамика, введённое О. Контом понятие, обозначавшее подход к изучению общественных явлений. Социальная динамика основное внимание уделяла изучению процесса изменений социальных явлений, его обусловленности, направленности и последствий. В её рамках изучались факторы, влияющие на эти изменения, закономерности приспособления индивидуума к системе общественных отношений или общества к новым условиям, разрабатывалась теория прогресса и т. д. [2].

Для того чтобы проследить изменения в представлениях о семье, были взяты 2 точки сравнения. Испытуемым предлагалось представить типичную семью советского времени и типичную современную семью. Затем, отвечая на задания проективных методик «Социограмма семьи» и «Незаконченные предложения», конкретизировать эти образы.

«Семейная социограмма» относится к рисуночным проективным методикам [3]. Она позволяет выявить положение субъекта в системе межличностных отношений и характер коммуникаций в семье. В целях нашего исследования инструкция к данной методике была модифицирована и направлена на выявление таких характеристик семьи, как численность и состав семьи, иерархичность и сплочённость семьи.

Критерии, по которым производилась оценка результатов:

1. число членов семьи, попавших в площадь круга;
2. расположение кружков относительно друг друга;
3. дистанция между кружками;
4. наличие связей, дорисовки.

Оценивая результат по первому критерию, мы обращали внимание на численность и состав семьи. Анализируя расположение кружков, мы делали акцент на наличие или отсутствие возрастной иерархии – т.е. кружки более старших членов семьи вверху, а более младших – внизу. Исследуя дистанцию и наличие связей между кружками, мы оценивали степень сплочённости семьи.

Для того чтобы получить более объёмные образы советской и современной семьи мы использовали методику «Незаконченные предложения» [4] (структурированное сочинение): испытуемым предлагается продолжить предложения с заданной тематикой, будь то образ мужа и жены, вопросы воспитания и социального благополучия в

советской и современной семье. Методика обрабатывалась с помощью контент-анализа ответов испытуемых.

Исследуемую выборку составили 70 женщин в возрасте от 20 до 46 лет (средний возраст 27 лет) и 42 мужчины в возрасте от 21 до 47 лет (средний возраст 29 лет).

В результате исследования были выявлены следующие различия в представлениях испытуемых:

Наиболее распространённой моделью советской семьи испытуемые отмечают нуклеарную семью, состоящую из родительской пары и двоих-троих детей. Модель современной семьи, также является нуклеарной, однако она состоит из родительской пары и одного ребёнка.

По общей численности советская семья составляет 5-6 человек, а современная 3-4 человека. Такая разница вызвана во-первых, большим количеством детей в советских семьях, а во-вторых, участием родственников.

В советской семье в представлении испытуемых чаще присутствуют родственники: бабушки, дедушки, братья, сёстры и другие, а в современной семье бабушки упоминаются реже и чаще появляются варианты неполных семей.

В советской семье испытуемые в большинстве случаев рисовали много детей, в среднем получилось 2-3 ребёнка. В современной семье количество детей сократилось – 3 ребёнка – большая редкость, в основном 1 ребёнок.

Что касается сплочённости семьи, то в социограммах советской семьи кружочки расположены теснее, это говорит о более тесных связях между членами семьи, сплочённости, близости интересов, чего не наблюдается в социограммах современной семьи.

В представлениях о советской семье мы не так часто встречаем чёткую возрастную иерархию: старики, дети, внуки. Выявилось 2 варианта:

1. Прародители находятся внизу социограммы, «под» родительской парой. Этот факт можно объяснить как наличие главенства родительской пары, а соответственно заботы и ответственности по отношению к старшему поколению.

2. Верхнюю позицию занимают дети. Т.е. в представлении испытуемых советская семья является детоцентрической, живёт под девизом «дети – наша надежда, дети – наше будущее», а соответственно дети не только являются особой ценностью, но на них возложены и определённые обязательства по отношению к родителям, когда они состарятся.

В современной семье, напротив, часто встречается возрастная иерархия – родители вверху, дети внизу. Это говорит о том, что в современной семье заботы о семье, о её благополучии и стабильность семьи стали заботой тех кто старше, т.е. старики помогают детям, а не наоборот.

Более детальные образы советской и современной семьи были получены с помощью контент-анализа методики «Незаконченные предложения».

Образ советской семьи идеализируется, характеризуется преимущественно с положительных сторон (большая, крепкая, дружная, сплочённая), подчёркивается стабильность семьи (нет разводов, официальный брак).

Советская семья в представлении испытуемых ориентирована на детей – дети, как цель создания семьи, внимательное отношение к воспитанию детей, строгость в воспитании; кроме того подчёркивается образ женщины-матери.

Советская семья зависит от общества – оно диктует моральные принципы, воспитывает жизненные идеалы, поддерживает семью. Советская семья активна в работе, в общественной жизни, в организации совместного отдыха, активны все члены семьи – родители проявляют себя в работе, домашнем хозяйстве, воспитании детей, а дети активны в учёбе, в стремлении достичь жизненных целей.

В представлениях советская семья является традиционной – глава семьи муж, жена занимается хозяйством, дети берут пример с родителей, уважают их.

Среди проблем советской семьи испытуемые отмечают алкоголизм мужа, вмешательство общества в дела семьи. Ещё примечательно то, что в описании своих представлений о советской семье, испытуемые чаще, чем при описании современной семьи пользовались штампами и речевыми шаблонами (дети – цветы жизни, ячейка общества, дом-дерево-сын и т.п.).

Представления об укладе современной семьи более критичны – образ современной семьи пестрит негативными оценками.

Ответы испытуемых говорят о нестабильности современной семьи – положительное отношение к сожительству, как к проверке отношений, негативно-смирненное отношение к разводам. Неясность представлений о целях создания современных семей, случайности, необдуманности этого шага.

В представлениях говорится о «равенстве» в современной семье, однако это равенство похоже на смешение ролей, нечёткость распределения обязанностей в семье и даже на борьбу за лидерство, что также не упрочивает современную семью. Как прогнозировал В.Н.Дружинин, противоречие отношений доминирования и ответственности будет являться главным источником конфликтов в семье[5].

Современная семья независима от общества, не контролируется им, и не рассчитывает на его поддержку, т.е. фактически брошена на произвол судьбы. Соответственно увеличивается личная ответственность супругов за благополучие семьи [6, стр.7]. Семья лишена единых общественных ориентиров, как это было в представлении советской семьи, каждый сам решает всё за себя и свою семью.

В современной семье индивидуальные ценности важнее семейных. Как отмечает В.М.Целуйко [7] у большинства членов современного общества ярко выражена ориентация на удовлетворение основных жизненных потребностей не в семье, а вне ее. Сейчас гораздо важнее сделать карьеру, чем стать хорошим семьянином. Отсюда представление об участвовавших по сравнению с советской семьёй конфликтах из-за непонимания, бытовых мелочей, финансовых проблем. По сути это конфликты индивидуальных и семейных ценностей: когда сталкиваются индивидуальные интересы двух людей, которые ставятся выше семейных, дело разрешается не в пользу семьи.

Но в то же время сохранились какие-то идеальные образы, к которым должна стремиться современная семья в представлениях испытуемых: это взаимопонимание, любовь и привязанность к семье, ориентированность на детей, на создание благополучной атмосферы в семье. Однако вся активность семьи брошена на материальное обеспечение, все силы и всё время отдаются зарабатыванию денег. Отсюда отсутствие сплочённости, совместного семейного досуга, времени на воспитание: дети в современных семьях представляются избалованными, предоставленными самим себе. Родителей удивляет, что их дети многое умеют и многое знают, потому что фактически дети познают мир самостоятельно, а не под контролем родителей.

Таким образом, мы видим, что представления о советской и современной семье во многом различаются, то, что в советской семье было нормой, в современной семье становится не столь распространённым или вообще исчезает.

Литература

1. Краткая философская энциклопедия. – М., Издательская группа «Прогресс» – «Энциклопедия», 1994. – 576 с.
2. Философский энциклопедический словарь/Гл. редакция: Ф56 Л. Ф. Ильичев, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалев, В. Г. Панов — М.: Сов. Энциклопедия, 1983.—840с.
3. Эйдемиллер Э.Г., Добряков И.В., Никольская И.М. Семейный диагноз и семейная психотерапия. Учебное пособие для врачей и психологов. – СПб.: Речь, 2003, 336 с.: ил.
4. Сборник психологических тестов. Часть III: Пособие / Сост. Е.Е.Миронова – Мн.: Женский институт ЭНВИЛА, 2006. – 120 с.
5. Дружинин В. Н. Психология семьи: 3-е изд. — СПб.: Питер, 2006. — 176 с
6. Домбровский А., Велента Т. Кризис семьи?..// Семейная психология и семейная терапия. 2005 г. №3 с.3-12
7. Целуйко В.М. Психология современной семьи. – М.: ГИЦ «ВЛАДОС», 2004.

ОСОБЕННОСТИ ДЕТСКОЙ ПРИВЯЗАННОСТИ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ СУИЦИДАЛЬНОГО РИСКА

Данная статья представляет собой теоретическое обоснование авторского подхода к исследованию детерминант суицидального поведения, существующих внутри детско-родительских отношений, а именно – особенностей детской привязанности (infant attachment). Кроме того, мы кратко изложим собственный взгляд на явление суицидального поведения, как некоего континуума - «суицидального континуума».

Каждое из направлений в исследованиях феномена суицида и суицидального поведения имеет своих сторонников, противников, развернутую аргументацию и контраргументацию. Однако, в данный момент, мы не ставим перед собой задачу их критического анализа и приводим более чем сжатое описание с целью формирования у читателя самых общих представлений. Вот основные из существующих направлений:

- **Анатомо-физиологическое** (у истоков направления – С. Lombroso, И.П. Павлов). Объясняет явление суицида врожденными анатомическими и физиологическими особенностями индивида, а так же генетической предрасположенностью.
- **Социологическое** (основатель – Э. Дюркгейм (Durkheim)). Объясняет суицидальное поведение воздействием таких факторов как очень высокий или очень низкий уровень социальной интеграции (интенсивность заключения и поддержания социальных связей) а так же очень высокий или очень низкий уровень социальной регуляции (степень, в которой личные стремления контролируются обществом). И рассматривает суицид как феномен, подчиняющийся определенным закономерностям социально-экономического, культурно-исторического, этнического развития общества.
- **Психопатологическое** (родоначальник – J.E.D. Esquirol). Объясняет суицидальный феномен психиатрической патологией. Утверждает прямую причинную связь острого или хронического, с очевидной или скрытой (латентной) симптоматикой психического расстройства с самоубийством.
- **Психологическое.** Рассматривает суицидальное поведение как нормальную психологическую реакцию на непереносимые обстоятельства. В рамках данного направления наиболее известны взгляды психоаналитиков (Z. Freud, K. Menninger, F. Alexander, M. Klein) о врожденном влечении индивида к смерти; подход экзистенциально-гуманистической психологии (I. Yalom, V. Frankl) утверждающий, что проблема суицидального поведения происходит из утраты личностью жизненного смысла – экзистенциального вакуума, вызванного неразрешенностью экзистенциальных конфликтов; подход

Э. Шнайдемана (E. Shneidman), одного из родоначальников современной суицидологии, в соответствии с которым суицидальное поведение детерминировано непереносимой душевной болью, вызванной фрустрацией сверхзначимых потребностей.

Излагаемый в данной статье подход к изучению суицидального поведения является частью психологического направления и базируется на психоаналитических позициях и, в частности, берет за основу идеи З. Фрейда и К. Меннингера о внутренней предрасположенности индивида к аутодеструкции – влечению к смерти (идея о *Todestrieb* – компульсивной тяге психики вернуться в изначальное неживое состояние). Фрейд придал *Todestrieb* значение онтологической силы, лежащей в основе психического развития личности. Согласно Фрейду, тенденция к саморазрушению борется с противоположно направленной тенденцией к росту и развитию. И эта борьба представляет собой, по сути, диалектический конфликт жизни и смерти. Чтобы обуздать и переадресовать внутреннюю энергию смерти, деструктивная сила должна быть отклонена вовне для устранения барьеров развития личности. В благоприятных условиях развития индивиду в большей степени свойственна гетероагрессивность. Однако в результате воздействия факторов, препятствующих благоприятному развитию, врожденная тенденция к саморазрушению крепнет и проявляется в различных формах саморазрушающего поведения. Саморазрушающее поведение приобретает характер сознательного самоуничтожения, когда человек осознает самоубийство возможным способом достижения определенных целей или решения определенных проблем. При этом, с течением времени, под воздействием неблагоприятных обстоятельств – единственно возможным способом. Обобщая вышесказанное, процитируем высказывание Дж. Миллса (Mills) [5]: бессознательное стремится к смерти, тогда как сознание «выбирает» путь к саморазрушению. И суицид, по нашему мнению, один из таких путей.

Обратимся к феномену суицидального поведения, которое, метафорически, можно сравнить с айсбергом. Его вершина, возвышающаяся «над водой» - внешние проявления (или формы) суицидальности: высказывания, действия, попытки и законченный суицид. Однако наибольшая его часть, скрытая от нас в темных водах психики – этот так называемые внутренние формы суицидального поведения: мысли, чувства, намерения и т.д.

По мнению ряда авторов [1,8,10], человек проходит долгий путь размышлений, сомнений, нарастающей душевной боли до того, как решается совершить суицид. И множество внутренних и внешних факторов воздействуют на личность то усиливая, то замедляя процесс развития суицидальности (суицидальность или суицидальный риск) – это вероятность совершения индивидом суицидальных действий). Мы разделяем мнение авторов [1,10] о том, что те или иные формы суицидального поведения, по крайней мере, внутренние: размышления о

смерти вообще и своей собственной смерти, сомнения в осмысленности существования, ослабление желания жить, возникают у абсолютного большинства людей в определенные, субъективно тяжелые моменты жизни. Возникают, исчезают, возникают вновь, снова исчезают или развиваются от внутренних к внешним, приобретая летальность под воздействием внутренних и внешних суицидогенных факторов.

Этот процесс, процесс развития суицидальности, может быть рассмотрен как некий континуум – «**суицидальный континуум**».

Мы понимаем суицидогенные факторы (по-другому – условия, обстоятельства) как явления, события, жизненные ситуации, влияющие в той или иной степени на развитие суицидального риска и каких-либо форм суицидального поведения.

Приведем ряд классификаций суицидогенных факторов.

Отечественные исследователи Н.В. Конончук и В.К. Мягер в качестве суицидогенных факторов называют: повышенную напряженность потребностей достижения цели; повышенную потребность в эмоциональной близости, зависимость от другого человека; низкую способность личности к образованию компенсаторных механизмов, ослабляющих фрустрацию.

А.Г. Амбрумова, С.В. Бородин выделяют: сниженную толерантность к эмоциональным нагрузкам; неадекватную самооценку; слабость психологических защит.

Э. Шнейдман суицидогенным фактором считает наличие определенных сочетаний сверхзначимых потребностей: в поддержке и аффилиации; достижении, автономии, порядке и понимании; самооправдании, избегании стыда и аффилиации; заботе о других и аффилиации; доминировании, агрессии и аффилиации.

Сейер (Seyer) в качестве суицидогенных факторов выделяет ряд эмоциональных состояний: изоляция (вызывается представлениями человека о том, что им никто не интересуется и никто не понимает его); беспомощность (вызывается представлениями человека об отсутствии контроля над собственной жизнью); безнадежность (вызывается представления о том, что жизнь не предвещает ничего хорошего); чувство собственно незначительности (вызвано заниженной самооценкой личности).

Разделяя вышеописанные взгляды и понимая их базовую общность мы предлагаем рассматривать генез суицидального поведения с позиции теории, объясняющей механизм формирования вышеперечисленных эмоциональных состояний и особенностей личности на самых ранних стадиях развития человека – теории детской привязанности.

Теория привязанностей является в настоящее время одним из самых популярных направлений в зарубежной психологии. Она берет начало в концепции Bindung З.Фрейда), теории стадийного развития Э. Эриксона (Erickson), теории вторичного подкрепления и социального научения

Долларда и Миллера (Dollard, Miller), идей Лоренца и Даркина (Lorenz, Durkin) об импринтинге на человека.

Дж. Боулби (Bowlby) развил эти идеи и выявил повышенную значимость для психического развития ребенка установления продолжительных теплых эмоциональных взаимоотношений с матерью. Результаты наблюдений и клинические данные показали, что отсутствие, разрыв или нарушение подобных взаимоотношений приводят к возникновению проблем, связанных с психическим развитием и поведением ребенка. Боулби был первым исследователем, который связал развитие привязанности с адаптацией и выживанием человека. Впоследствии это направление приобрело статус концепции, выходящей далеко за пределы психологии младенчества.

Привязанность можно определить как близкую связь между двумя людьми, не зависящую от их местонахождения и длящаяся во времени и служащая источником их эмоциональной близости (V. Falberg).

М. Эйнсворт (Ainsworth) и др. выделила следующие типы привязанностей у младенцев:

Тип А – небезопасная привязанность избегающего типа. Данная категория детей обозначается как «индифферентные» или «ненадежно привязанные». Базисное убеждение, формирующее поведенческие паттерны - «никому нельзя доверять». Возникает вследствие болезненного переживания разрыва отношений с близким взрослым или при частом отвержении с его стороны.

Тип В – надежная безопасная привязанность. У таких детей наблюдается адекватное формирование привязанности к опекающему взрослому. Привязанность типа В предполагает адекватную внутреннюю модель реальности и поведенческие паттерны, максимально обеспечивающие безопасность и комфорт. Привязанность данного типа является основой нормального психобиологического развития.

Тип С – привязанность тревожно – сопротивляющегося типа. Амбивалентность взаимоотношений с матерью приводит к тому, что ребёнок постоянно демонстрирует двойственное отношение к близкому взрослому: «привязанность–отвержение» попеременно, а иногда практически одновременно. Характерной чертой данного типа привязанности становится эмоциональное «застревание» на болезненных переживаниях одиночества и изоляции в сочетании с агрессией к объекту привязанности.

Тип D – небезопасная привязанность дезорганизованного типа. Дезорганизованный тип характерен для детей, подвергающихся систематическому жестокому обращению и насилию. Они просто не имеют опыта привязанности, так как их родители практически не демонстрируют сигналы привязанности. В поведении преобладает аффективное реагирование, агрессивность и беспомощность.

Тип А/С. Характеризуется «психологическим симбиозом» ребенка и матери. У детей с данным типом привязанности нарушено формирование

«Я-концепции» и принятия себя как отдельной личности. С возрастом нарастает и закрепляется высокая личностная тревожность, эмоциональная зависимость и черты жертвенности в поведении.

Центральным понятием теории привязанности является внутренняя рабочая модель (working model). Дж. Боулби предположил, что в процессе взаимодействия с другими людьми и с миром индивид конструирует рабочие модели важнейших аспектов этого мира, с помощью которых он воспринимает и интерпретирует разные события. Рабочую модель можно было бы назвать глубинной структурой самосознания. И хотя сама она не осознается индивидом, но сквозь нее он воспринимает и осознает себя и окружающий мир. Рабочие модели представляют собой конструкты базисных представлений (убеждений) ребенка относительно близкого взрослого (объекта привязанности) и окружающего мира в целом. Детская привязанность является устойчивой и проявляется у взрослых в их последующей жизни как преобладающая (посредством рабочих моделей) эмоциональных и поведенческих паттернов в различных сферах жизнедеятельности (М. Main). Вышеописанные нарушения привязанности приводят к формированию негативной модели себя и окружающей реальности, а также деструктивных поведенческих стратегий и в том числе, суицидального поведения.

Современные зарубежные исследователи в области суицидологии в своих работах [11,12,13,14] эмпирическим путем доказывают наличие взаимосвязи характеристик детско-родительских отношений, особенностей детской привязанности и уровня суицидального риска в подростковом и взрослом возрасте. Так Heider Dirk, Bernert Sebastian и др. выявили связь между низким уровнем опеки со стороны родителей в детстве и уровнем суицидальности у взрослых; Marjolein L. de Jong выявила взаимосвязь между безопасностью привязанности и уровнем суицидального риска; D.M. Ledgerwood выявляет взаимообусловленность внутрисемейной изоляции и суицидального поведения.

По нашему мнению, изложенная в данной статье информация может служить основой для планирования и реализации эмпирического исследования, целью которого станет выявление типа (или типов) детской привязанности, детерминирующего развитие суицидальности во взрослом возрасте. Результаты подобного исследования могут быть использованы в ранней диагностике суицидального риска, прогнозировании и разработке путей профилактики профилактике суицидального поведения.

Литература

1. Амбрумова А.Г., Тихоненко В.А. Суицид как феномен социально-психологической дезадаптации личности. Актуальные проблемы суицидологии. М., 1978
2. Боулби Дж. Привязанность. М., 2003

3. Калмыкова Е.С., Падун М.А. Качество привязанности как фактор устойчивости к психической травме// Журнал практической психологии и психоанализа. 2002, №1
4. Меннингер К. Война с самим собой. М., 2000
5. Миллс Дж. Размышления о влечении к смерти. Интернет ресурс: <http://www.thanatos.oedipus.ru>
6. Психология привязанности: сборник работ. Ижевск, 2005
7. Пилягина Г. Я., Дубровская Е. В. Нарушения привязанности как основа формирования психопатологических расстройств в детском и подростковом возрасте // Мистецтво лікування. 2007, № 6
8. Фрейд З. Печаль и меланхолия. М., 1992
9. Фрейд З. По ту сторону принципа удовольствия. М., 1992
10. Шнейдман Э. Душа самоубийцы. М., 2001
11. Heider D., Bernert S., Matschinger H., Angermeyer M.C., Vilagut G., Haro J.M., Alonso J.. Parental bonding and suicidality in adulthood//Austral. and N. Z. J. Psych. 2007. №1
12. Ledgerwood D.M. Suicide and Attachment: Fear of Abandonment and Isolation from a Developmental Perspective//[J.of Contemporary Psychotherapy. V. 29, №1](#)
13. McGee R., Williams S., Nada-Raja S. Low Self-Esteem and Hopelessness in Childhood and Suicidal Ideation in Early Adulthood//J. of Abnormal Child Psychology. V 29, №4
14. Marjolein L.de J. Attachment, individuation, and risk of suicide in late adolescence//[Journal of Youth and Adolescence. V. 21, №3](#)

ПАМЯТЬ РОДА В СТРУКТУРЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

В современном обществе наблюдаются две противоположные тенденции. С одной стороны, происходит индивидуализация человека, отделение его от семейных традиций [3], утрата семейных связей [1, 2]; с другой, у многих возрастает интерес к истории своего рода, построению генеалогического древа. Хотя этот интерес носит скорее развлекательный характер, все же он отражает определенные потребности человека в поиске собственных корней, расширении семейных связей.

Память рода (семейная память) выполняет функцию формирования фамильного самосознания; входит в историческую память личности (наряду с воспоминаниями о культурных и общественно-политических событиях), поскольку отражает социальную историю рода, семьи. Закономерен вопрос о развитости у современного поколения семейной памяти.

С целью выявления доли семейных воспоминаний (памяти рода) в исторической памяти молодежи нами было опрошено 157 человек в период ранней взрослости (90 женщин и 67 мужчин от 22 до 35 лет). Мы просили испытуемых вспомнить и описать запомнившееся им историческое событие (которое, в том числе, могло быть связано с их семьей). Часть испытуемых (47%) достаточно легко актуализировала в памяти исторические события, другим (31%) понадобилось для этого некоторое время, остальные (22%) не смогли вспомнить ни одного исторического события. В данном случае можно говорить о различной исторической чувствительности, или развитости исторической памяти личности. В результате нами были получены и проанализированы 120 воспоминаний.

Семейные воспоминания у молодежи оказались наиболее редкими (рис. 1).

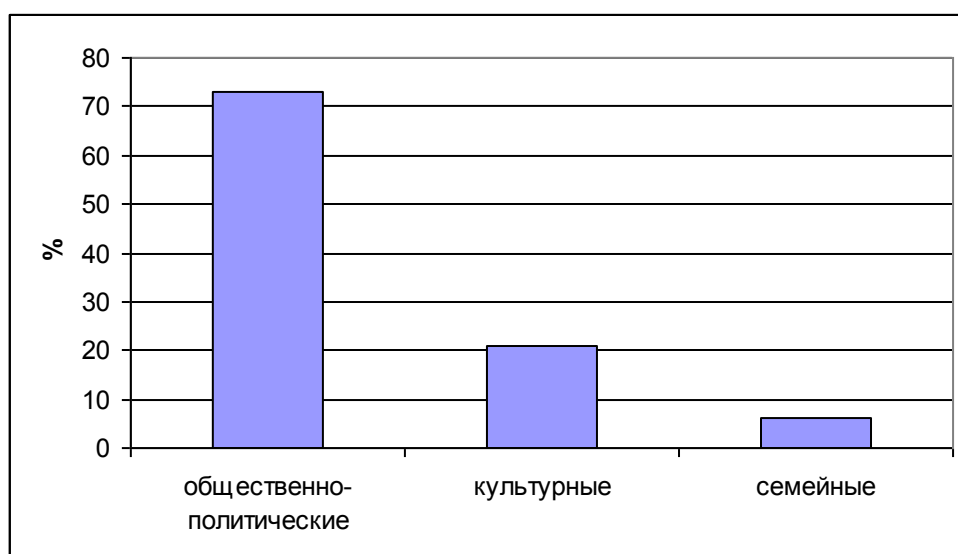

Рисунок 1. Сферы исторических воспоминаний

События памяти рода передаются через поколение (от дедушек и бабушек к внукам, последние, таким образом, становятся наследниками семейной памяти). Этот феномен отмечал еще М. Хальбвакс [4]. В основном, здесь представлены воспоминания о Великой Отечественной войне, о демонстрациях, участниками которых являлись представители старшего поколения, а также знания о генеалогическом древе рода. Столь небольшое количество семейных воспоминаний можно объяснить тенденцией к утрате родственных связей, индивидуализацией, приоритетом нуклеарной формы семьи [1].

В воспоминаниях чаще всего встречаются рассказы о Великой Отечественной войне, поскольку бабушки и дедушки респондентов были ветеранами. Кроме того, в памяти оставили след майские демонстрации. Большинство семейных воспоминаний являются положительными (победа в войне, героическое участие в битве, яркие эмоции на демонстрациях). Такие воспоминания выполняют охранную и ресурсную функцию, позволяя человеку понимать значимость своего прошлого, истории своего рода. Отрицательные семейные воспоминания связаны с блокадой Ленинграда, а также бегством из страны (вынужденная эмиграция), что в дальнейшем повлияло на этническое самосознание. Подобные события закладывают опыт преодоления трудностей.

Таким образом, семейные воспоминания (память рода) достаточно редко встречаются в исторических воспоминаниях, что можно объяснить тенденцией к утрате родственных связей. События в памяти рода передаются через поколение (от дедушек и бабушек к внукам, последние, таким образом, становятся наследниками семейной памяти). Помимо формирования фамильной идентичности, семейные воспоминания выполняют ресурсную функцию, показывают опыт преодоления трудностей старшим поколением в семье. Безусловно, это исследование требует дальнейших разработок.

Литература

1. Антонов А. И. Микросоциология семьи (методология исследования структур и процессов). – М.: Издательский Дом «Nota Bene», 1998. – 360 с.
2. Векилова С. А. Семейное забвение как психологический феномен // Современные проблемы психологии семьи: феномена, методы, концепции. Вып. 4 – СПб.: Изд-во АНО «ИПП», 2010. С. 19 – 27
3. Радина Н. К. Жизненные сценарии женщин трех поколений современной России // Психология зрелости и старения. 2005. №3 (31). С. 48-66
4. Хальбвакс, М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2005. № 2. С. 40–45.